Пленный лев

Автор:
Шарлотта Юнг

Пленный лев

Шарлотта Мэри Юнг

История в романах

Шарлотта Мэри Юнг (1823–1901) – английская писательница, автор многих книг для детей. Страстная почитательница Вальтера Скотта, Юнг увлеклась изучением истории. Рискнув сама заняться сочинительством, она опубликовала один за другим несколько романов, которые принесли ей известность («Рэтклифский наследник», «Голубица в гнезде орлином» и др.). Свое предназначение Шарлотта Юнг, как и многие женщины Викторианской эпохи, видела и в просветительской деятельности: увлекательными «Рассказами тетушки Шарлотты» о Древнем Риме, Древней Греции, Англии, Франции и Америке зачитывалось не одно поколение детей.

На страницах романа «Пленный лев», представленного в этом томе, перед глазами читателей словно наяву возникают полные мрачных тайн замки Шотландии, короли, разъезжающие в латах по дорогам страны, подобно простым рыцарям, благородные вассалы, гордые и страстные дамы… Таков романтический мир Средневековья, созданный пером и фантазией популярной писательницы позапрошлого столетия.

Шарлотта Юнг

Пленный лев

© ЗАО «Мир Книги Ритейл», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

Часть первая

Глава I. Гости в замке Гленуски

Мастерское перо так часто описывало долины и овраги Шотландии, что попытка снова воспроизвести эти картины может казаться самонадеянной. Пусть только читатели наши вообразят себе обрывистый и дикий утес, спускающийся почти отвесно над потоком воды, клубящейся пеной между сероватыми и бесконечно разнообразными скалами, покрытыми дикими растениями, терновником и вереском. Над долиной нависает широкий выступ скалы, служа основанием одному из тех высоких, узких и суровых укрепленных жилищ, в которых Шотландия черпала всю силу свою и которые впоследствии стали причиной ее гибели.

По прихоти природы или делом искусства, скала с трех сторон представляла почти плоскую поверхность, так что стены замка возвышались вертикально над пропастью, за исключением той стороны, с которой выступ соединялся с горой своего рода перешейком. Этот перешеек – или, вернее, узкий хребет, едва достаточный для прохода лошади, был еще пересечен поперек и, следовательно, мог быть перейден только с помощью подъемного моста. Благодаря этим предосторожностям замок Гленуски был недоступен, его постарались обеспечить большим запасом воды, направив течение ручья в самый центр замка.

Жилище было поневоле весьма сжато в своем объеме, так как массивные стены занимали большую часть пространства на поверхности скалы. Особенная прелесть этого здания заключалась в портале, окруженном тяжелыми башнями, из которых одна возвышалась над главным корпусом, названным обитателями

Гленуски-Масси-Мор. Стены и своды, несмотря на их толщину, имели тонкое изящество и нежность рисунка, как бы заимствованные у Франции. Наверху башен было пространство, резко окаймленное выдающимся карнизом, красивые стрелки которого поддерживали зубцы, увенчивающие здание. На самой высокой башне виднелся герб владетелей Гленуски: он состоял из королевского льва Шотландии с красными цветами по золотому полю, разделенному двенадцатью связками и поставленному на рыцарском знамени или треугольном куске шелковой материи.

Эти знаки ясно говорили всякому немного смыслящему в геральдике, что владелец происходил по прямой линии от королевского дома Стюартов, хотя и от младшей ветви, еще не получившей рыцарского достоинства.

Ранняя весна 1421 года была холодна и туманна в уединенной долине Гленуски. В обширной зале пылал громадный камин, освещая высокого старца, плотно закутанного в складки светло-голубого плаща; его широкий, задумчивый лоб еще яснее выделялся из-за недостатка волос; несколько серебристых прядей, сохранивших еще белокурый оттенок, падали с висков и смешивались с роскошной седой бородой. Он держал в руках, на которые печально опирался своей прекрасной головой, маленький голубой ток, украшенный орлиным пером, прикрепленным жемчужной застежкой. Едва слышным голосом прошептал он следующие слова:

– Боже, будь милосерд! Сжалься над нашим несчастным отечеством! Охраняй сына моего ежечасно и повсеместно; не оставляй детей, которым я посвятил всю жизнь свою, и пусть справедливость руководит ими в страшных затруднениях, окружающих нас. Боже! Сжалься над нашим королем, сломи его цепи и возврати родине, дабы он, отмстив за все горькие несправедливости, перенесенные им, мог укротить ее страдания.

Старик был так погружен в свои мысли, что не слышал едва заметного звука неровных шагов, раздавшихся в зале; шаги эти приближались осторожно, как бы боясь разбудить кого-нибудь. Вошедший медленно подошел к камину и, тихо прислонясь к его углу, принялся молча глядеть на старого рыцаря.

То был юноша лет семнадцати, с мрачным, задумчивым взглядом, носящим отпечаток того неопределенного выражения, смеси грусти и покорности, свойственного безобразным людям, хотя, по правде, не было никакого видимого безобразия в этом хилом существе, если не считать таковым его неуверенную,

порывистую походку и малый рост, по которому можно было дать юноше лет двенадцать – четырнадцать. Взгляд его карих глаз, погруженных в глубокую думу, прямо достигал сердца. Во взгляде чувствовалась робкая, пугливая душа, сгибающаяся под гнетом тяжкого существования и растерянно ищущая покоя.

Юноша задумчиво глядел на огонь, и тоска его, казалось, постепенно возрастала, как вдруг старик поднял голову.

– Ты здесь, Малькольм! А где же остальные? – спросил он.

– Патрик и Лилия еще на башне, дядя, – отвечал юноша. – Там так холодно! – И он, вздрагивая, придвинулся к камину.

– А огонь? – спросил дядя.

– На востоке показался новый столб дыма, – отвечал Малькольм. – Патрик почти уверен, что это, как вы предполагали, бунт, продавцов скота в Баденоке.

– Да поможет им Господь! – прошептал старик. – Доколе, боже мой, доколе…

Малькольм поспешно прочел на латыни псалом, со времен Давида, из века в век служащий мольбой сердец, удрученных горем при виде бедствий и суеты человечества.

– А теперь, дядюшка, мне надо с вами переговорить.

– Все та же мысль, Малькольм? Ты ведь знаешь, однако, мое мнение?

– Но послушайте, милый дядя! Я уже более года не говорил об этом ни слова, – и теперь вы не обвините в том ни ласки добрых монахов, ни дерзкие слова д’Олбени, – добавил он, невольно краснея от взгляда, брошенного дядей. – Вы, правда, просили меня не касаться этого предмета ранее моего совершеннолетия; но подумайте: если я буду в монастыре, то Патрик и Лилия обвенчаются, и вам не будет так грустно, когда Патрик уедет во Францию, чтобы приобрести себе состояние, – а вассалам моим под его охраной нечего будет бояться. Ибо что может сделать полуизувеченный, слабый и немощный ребенок, как я? – прибавил он, и бледное лицо его покраснело от горя и стыда. – О сэр,

позвольте мне, по крайней мере, спасти свою душу и найти спокойствие в Холдингхэме!

– Бедное дитя, – сказал наконец старик, ласково положив руку на плечо юноши, в пылу своей мольбы вставшего перед ним на колени. – Этого не должно быть! Правда, что регент и сын его с удовольствием допустили бы монастырским воротам затвориться за тобой; недостойные насмешки Уолтера Стюарта действительно, я думаю, имели целью подтолкнуть тебя на это, но если я уступлю твоему желанию, то Лилия, сделавшись наследницей Гленуски, станет предметом честолюбивых искательств Уолтера д’Олбени, Роберта д’Атоля и подобных им, а те, как коршуны, разорвут ее на части, чтоб сделать хозяйкой своего безбожного и варварского очага!

– Вы могли бы отдать ее за Патрика, дядюшка.

– Нет, Малькольм; такой поступок не согласовывался бы с моими правилами чести, еще менее с моими клятвами королю и государству. При тебе, владельце Гленуски, Лилия – только младшая сестра, располагать которой ты можешь; но умри ты для света, похоронив себя в монашеской одежде, и, леди Гленуски, внучка короля, должна будет предоставить свою судьбу власти своего царственного родственника или тех, – горе дню тому! – которые сядут на его место. И я был бы не лучше Баденокского волка, или мессира д’Олбени, если бы так подшутил с регентом и отдал бедную девочку своему сыну!

– Итак, Лилии придется томиться в то время, как Патрик, бог весть как долго, будет странствовать, участвуя в этой скучной войне с Францией! – со вздохом сказал Малькольм. – А мне придется терпеть презрение двоюродных братцев каждый раз, как соберется семья Стюарт, и пытаться поддерживать борьбу с ними, безжалостными вельможами, которые после отъезда Патрика снова будут жестоко обращаться со мной. Ах! – прибавил он со слезами. – Тихая часовня, кроткое хоровое пение, спокойная прогулка по молчаливым и тенистым аллеям монастыря! Там только можно найти мир и спокойствие, там не будешь жертвой насмешек!.. Там не увидишь пролитой крови; там не будут вовлекать в насилие и измену. О! Душа моя тоскует по Холдингхэму! Сколько лет пройдет до тех пор, пока я наконец буду в состоянии отдать сестру Патрику и преклонить голову на лоно спокойствия!

Но едва успел дядя ему ответить:

– Нет, нет, Малькольм, слова эти недостойны внука Брюса! Ты рожден переносить бремя жизни и страдать… – как вдруг девушка и молодой человек вошли в залу.

Родственное сходство делало девушку похожей на Малькольма, хотя она была высока и прекрасна, изящно сложена и с прекрасным румянцем, признаком крепкого здоровья. Ее плед, накинутый на голову в виде капюшона, обрамлял своими складками хорошенькое личико, полное жизни, а черные волосы были связаны пунцовой лентой, придерживаемой алмазной застежкой. Молодой человек же имел благородную и гордую осанку; у него были голубые, быстрые и проницательные глаза, борода и волосы золотисто-белокурого цвета; непринужденная легкость его обращения сразу выказывала воспитание, почерпнутое в высшей школе рыцарства.

– Дядюшка! – воскликнула девушка с пылким оживлением. – К нам едет гость! Он сейчас обогнул утес и, следовательно, только сюда и может направиться!

– Гость! – воскликнули вместе Малькольм и старый сэр Дэвид.

– Да, рыцарь, – продолжала Лилия. – На нем стальное вооружение, и его сопровождают трое слуг. Это должно быть один из французских товарищей Патрика, судя по легкости, с которой он управляет лошадью.

– Лишь бы это не был посол от регента! – вздохнул Малькольм. – Патрик, не опускай подъемного моста прежде, чем убедишься, с другом или недругом мы имеем дело.

– Великий Боже! Малькольм, счастье, что мы одни тебя слышим! – воскликнул Патрик. – Когда же ты будешь храбрее?

– Все-таки, Патрик, – сказал старец, – хотя я и желал бы, чтобы эта предусмотрительность была выражена старшим из вас, переговори прежде, нежели отворишь ворота настолько, насколько это дозволяет честь и вежливость… Но… Слышите ли звук рога?

Какая-то нервная судорога, как тень, пробежала по лицу Малькольма, а сестра его, по природе живая и веселая, казалось, с удвоенным любопытством ждала приезда путешественника, посещение которого должно было нарушить

однообразие их жизни.

– Не бойся ничего, осторожный Малькольм, – сказала она вдруг, – с ним едет отец Нимиан; если он кого-нибудь приводит сюда, то нечего опасаться.

– Странно, – сказал глухо Патрик, бросая тревожный взгляд на Лилию, – что отцу Нимиану богоугодно собирать по дороге бродяг и приводить их в замок.

И он нехотя вышел, чтобы выполнить долг гостеприимства, долг, налагаемый на него присутствием капеллана, взявшего посетителя под свое покровительство.

Однако опущенный подъемный мост пропустил уже незнакомца на сильном вороном коне, отца Нимиана верхом на пони особенной породы, на котором он за несколько часов до этого выехал из замка для присутствия при церковном обряде, совершаемом в Холдингхэме.

Капеллан, личность весьма почтенная, пользовался славой высокой мудрости и осмотрительности; тем не менее юный сэр Патрик Драммонд мало ценил в данную минуту его благоразумие и внутренне проклинал случайное обстоятельство, допускавшее рыцаря на вороном коне увидеть то, что он считал главным сокровищем замка – Лилию Гленуски! Незнакомцу было на вид от двадцати семи до двадцати восьми лет; он был высок, силен, мужествен; вооружение его было из вороненой стали, а забрало его шлема, совершенно приподнятое, открывало лицо мужественное, прямое, до совершенства красивое, с резкими чертами, с первого взгляда выдававшими шотландский тип; его темные волосы и глаза имели неуловимый оттенок с рыжеватым отблеском, что придавало его взгляду какое-то жгучее, проницательное выражение, забыть которое было трудно. Наконец, вид его был так благороден и величествен, что Патрик, подходя к нему, прошептал сквозь зубы:

– Какой-нибудь искатель приключений, напичканный чванством и наглостью! С каким хладнокровием он ломается!.. О, если он надеется встретить здесь покорных слуг, то ошибется!

– Сэр Патрик, – сказал отец Нимиан, – позвольте представить вам мессира Джеймса Стюарта, пленного рыцаря, вернувшегося на родину, чтоб собрать деньги, назначенные за его выкуп; случай свел его со мной, и так как мы шли по одному пути, то я взял на себя смелость уверить его, что он будет радушно

принят почтенным отцом вашим, равно как и лордом Малькольмом.

При этих словах лицо Патрика внезапно просветлело. Он боялся не красоты и привлекательности незнакомца, а той неограниченной власти, которую регентство дозволяло дому д’Олбени простирать на сирот королевской семьи; пленного же рыцаря нечего было бояться! Однако, как ни было благовидно объяснение, но оно могло быть предлогом, годным обмануть преподобного отца и доставить ему доступ в замок; только Патрик был настороже, учтиво отвечая на приветливый поклон незнакомца, говорившего твердым, сохранившим южный акцент голосом.

– Простите, что я осмелился принять гостеприимное приглашение доброго отца.

– Милости просим, сэр, – отвечал Патрик, взяв узду из рук незнакомца и помогая ему сойти на землю. – Мои отец и двоюродный брат будут счастливы облегчить пленному путь к свободе.

– Всякий пленник нам дорог в память того, кого он нам напоминает, – вмешался отец, подходя к рыцарю и протягивая ему руку. Молодой человек взял ее и обнажил свою прекрасную голову, обрамленную блестящими кудрями.

– Я нахожусь в присутствии опекуна Гленуски? – проговорил он.

– Действительно, сэр, – отвечал сэр Дэвид Драммонд, – и вы видите двух моих питомцев: лорда Малькольма и леди Лилию. Пусть ваша милость отнесется снисходительно к этому юноше, не совсем еще свыкшемуся с правилами рыцарской вежливости.

Ибо, в то время как Лилия с милым достоинством отвечала на учтивое приветствие сэра Джеймса Стюарта, Малькольм, после неловкого и принужденного поклона, казалось, желал избежать взоров посетителя; грубые насмешки двоюродных братьев заставляли его со страхом смотреть на всякого незнакомца; и в то время, как пришельца вели в большую залу замка, он, ни о чем не заботясь, встал рядом с добрым монахом и шепотом проговорил:

– Принесли вы мне книгу?

Отец Нимиан кивнул и показал на книгу, спрятанную у него на груди, а сэр Дэвид поспешно спросил юношу:

– Как, Малькольм! Возможно ли, чтоб ты до такой степени забыл долг гостеприимства в отношении рыцаря, сделавшего тебе честь своим посещением? Разве ты не знаешь, что первым долгом тебе надо снять с него оружие?

А Патрик грубо толкнул его вперед, пробормотав угрюмо:

– Не допускай же Лилию исправлять недостаток твоей вежливости!

Малькольм робко подошел, испуганный и смущенный; но посетитель кротким и ободряющим голосом сказал:

– А! Новая книга, вероятно роман… Это, конечно, может заставить забыть все остальное!..

«Какой же у него слух? – сказал Малькольм самому себе. – Я так тихо говорил!»

И он прошептал голосом, скованным робостью:

– Это не роман, сэр, но… это сочинение, данное мне святыми отцами.

– Это «Itinerarium» блаженного Адамнануса, – сказал отец Нимиан, показывая маленький сверток, обвернутый сверху клеенкой.

– «Itinerarium»! – воскликнул сэр Джеймс. – Я, кажется, слышал об этой книге: у меня есть в Англии друг, очень желавший достать ее.

Друг в Англии!.. Слова эти словно громом поразили присутствующих. И в то время как Малькольм судорожно сжал книгу в своих руках, монах отвечал холодно, что эта книга – собственность Холдингхэмского монастыря и что ее, в виде особенной милости, одолжили лорду Малькольму Стюарту. Слова эти вызвали невольную улыбку на лице посетителя, и он поспешил ответить, что с удовольствием видит, с каким уважением относятся к книгам в Шотландии. Но в ту минуту, когда лицо его просияло необычайным выражением и было освещено

светом огня из камина, у которого стоял он, одетый в узкое платье верблюжьей кожи, носимое под кольчугой, старый сэр Дэвид воскликнул:

– Великий Боже! Я никогда не видел подобного сходства… Патрик! Ты был тогда уже довольно большим, чтобы припомнить… Разве ты не видишь?..

– На кого же он похож? – спросил Патрик, изумленный волнением отца.

– На кого? – прошептал сэр Дэвид, понижая голос. – Но… на того несчастного ребенка, на герцога Ротсея!

Патрик не мог не улыбнуться, ибо ему было семь лет, когда случилось убийство несчастного шотландского принца. Но лицо посетителя внезапно вспыхнуло.

– Мне уже об этом говорили, – отвечал он отрывисто и, сев на стул возле сэра Дэвида, начал толковать о смутах, бывших тогда в Шотландии, с участием расспрашивать о многих семействах, называя их поименно. На все его вопросы раздавался неизменно один и тот же мрачный ответ: «Убийство, разорение, грабеж!» А когда рыцарь спрашивал, что же делает регент, в ответ только пожимали плечами. Тогда лицо сэра Джеймса краснело и его рука судорожно сжимала рукоятку меча.

– Неужели нет в Шотландии человека, могущего восстать против всех этих несправедливостей! – воскликнул он наконец. – Дворяне, духовенство, граждане – разве не могут соединиться с парламентом, чтоб низвергнуть д’Олбени и призвать к себе прежнего своего владыку?

– К несчастью, у нас нет единства, – с грустью возразил сэр Дэвид. – Соединяя свои силы, они могли бы добиться цели, но всем небезызвестно, что низвержение д’Олбени повлечет за собой претендентов: Дугласа, Ленокса, Марка или Мара, готовых продолжать те же действия. Ввиду этой возможности никто и не решается начинать дела.

– Итак, – с горечью продолжал сэр Джеймс, – все, что есть в Шотландии сильного и храброго, пойдет безумно сорить свои силы в чужестранной войне, для того чтоб поставить Францию в такое же невыгодное, шаткое положение, в каком в настоящее время находимся мы сами.

– Нет, нет, сэр! – воскликнул с жаром Патрик. – Это для того, чтоб избавить старого союзника от тиранства нашего злейшего врага. Это единственное место, где шотландец может отныне с честью пытать счастье, не марая души низкими злодействами. Отдайте нам нашего короля, и каждый меч в Шотландии будет с гордостью и счастьем служить ему!

– Да, ваши мечи! Когда все остальные будут зазубрены этим сумасшедшим французом!

– Зазубрены? Нет, сэр! – возразил Патрик, с жаром вставая с места. – Они со славой выйдут из почетной войны, не запачканные кровью междоусобных битв!

– Правда, – прошептал сэр Дэвид, – и, несмотря на горе, которое я бы испытал в разлуке с ним, я не мог бы произнести ни единого слова, могущего принудить его остаться в стране, где каждый мужественный человек не может не поддаться заразе насилия.

Джеймс испустил глубокий вздох, сейчас же подавленный им, и ответил поспешно:

– Очень может быть; но я спрашиваю себя, какова будет судьба земли, где все честные и храбрые сердца откажутся от защиты, под предлогом, что она неисполнима, и отдадут свое оружие на служение чужой стране, тоже не лучше ее поставленной.

– Как, сэр, – воскликнул Патрик, – вы, английский пленник, можете отзываться так о наших благородных союзниках-французах, так глубоко оскорбленных?

– Я довольно долго жил в Англии, – ответил Джеймс, – и думаю, что самый счастливый край есть тот, где закон настолько силен, что поддерживает и мир и порядок.

– Ваши англичане низкие плуты! – пробормотал Патрик, более из духа противоречия.

– А вы долго прожили в Англии, сэр? – спросила Лилия, чтобы отвлечь разговор и перевести его на более миролюбивую почву.

– Долго, сударыня, – отвечал приезжий, приветливо обращаясь к ней. – Мой плен начался с детского возраста, но он не был тяжел, так как меня не очень строго охраняли.

– Неужели не было никого, чтоб уплатить за вас выкуп? – спросила она с участием, тронутая тихой покорностью, отражавшейся на челе ее собеседника, и неотразимой прелестью его звучного голоса.

– Никого, сударыня; мой дядя был очень счастлив, что был удален наследник, имуществом которого он распоряжался, и я только после его смерти мог добиться позволения приехать сюда, чтоб собрать выкуп.

Лилии хотелось бы знать величину выкупа, но она боялась быть нескромной, так как сумма должна соразмеряться рыцарскому сану; но дядя вдруг спросил, кто был его охранником.

– Граф Сомерсетский, – отрывисто сказал Джеймс.

– Но, дядюшка, король ведь тоже под его присмотром? – с живостью спросила Лилия, и тогда начались расспросы: – Каков вид у короля? Как он переносит свое продолжительное заточение? Какой свободой он пользуется? Есть ли надежда на его возвращение? Как относится он к страданиям своего народа?

Этот вопрос спугнул шутливую улыбку, игравшую на устах Джеймса до того времени; губы его сжались и слеза блеснула на глазах, когда он ответил:

– Переносит это без горя?.. Нет, это невозможно, сударыня! Сердце сгорает в его груди при каждом вопле, доносящемся до него с границы, и он будет в отчаянии, узнав то, что я видел и слышал. Король Генрих старается доказать, что если ему будет возвращена свобода, то он подвергнется ярости д’Олбени; но лучше быть убитым во главе своих, за дело своего народа, чем слышать горькие жалобы, которым не в силах помочь!..

И в то время как он быстро встряхнул головой, чтобы подавить негодование и бешенство, Патрик с живостью схватил его за руку.

– Ваше сердце с нами, сэр! С этого часа я на вас смотрю как на честного человека и собрата по оружию!

– Хорошо, пусть это будет договор, – сказал Джеймс со слабой улыбкой; глаза его снова наполнились слезами, и он добавил: – Когда для Шотландии пробьет час избавления, мы созовем своих братьев!..

– И вы скажете королю, – продолжал Патрик, – что, слава богу, есть еще у него друзья, готовые, в случае надобности, грудью защитить его от ударов д’Олбени, о которых, кажется, так заботится король Генрих.

– Но каков король? – спросила Лилия. – Я бы так желала его видеть? Правда ли, что при короновании короля Генриха он был головой выше окружающих? Как не стыдно ему было там присутствовать!

– Мы с ним почти одного роста, – отвечал рыцарь. – Может быть, вы будете иметь о нем более верное понятие, если я вам скажу, что я живой его портрет.

– Этим объясняется ваше сходство с бедным герцогом, – сказал сэр Дэвид с довольным видом. – Вероятно, есть узы между вами и королевским домом, не так ли?

– Я происхожу от Уолтера Стюарта, вот все, что я знаю, и мои земли лежат со стороны Гаррика, – отвечал беспечно сэр Джеймс. – Мой плен так долго длился, что родословная моего дома мне неизвестна!

И, как бы желая прервать эти расспросы, он подошел к окну, в углублении которого уселся Малькольм со своей книгой, и спросил его, отвечает ли монах Иона его ожиданиям.

Всякий разговор с Малькольмом был труден; но рыцарь, увидев, что юноше трудно дается перевод одной латинской фразы, пришел ему на помощь, и сделал это так, что устранил все затруднения; затем, по мере того как день стал клониться к вечеру и ему нельзя было продолжать учение, он остался около юноши, беседуя об истории и поэзии. В это время лицо Малькольма, обыкновенно мрачное, понемногу просветлело, и румянец оживил его бледные черты.

Каждый из них, казалось, испытывал большое удовольствие при этом разговоре: сэр Джеймс был восхищен, найдя столько ума и образованности в глубине шотландского замка, а Малькольм в первый раз встретил единомыслие, которое раньше находил только в среде монахов.

Они продолжали разговаривать вплоть до ужина, несколько запоздавшего вследствие приготовлений, необходимых по случаю приезда нового гостя. Этот ужин, тем более простой, что было время поста, доказывал умеренность привычек обитателей замка; он состоял из сушеной рыбы, ячменного хлеба и «kail brose», кушанья чисто национального. И все-таки мало было в Шотландии мест, где все было бы подано с таким вкусом и такой чистотой, заведенными заботами сэра Дэвида и его покойной супруги и заимствованными ими большей частью у французов. Скатерть, салфетки, прибор для каждого гостя и вода для мытья рук были роскошью, которую можно было встретить только у знати, потому-то многие смеялись над нежностью и чрезмерной робостью Малькольма, приписывая все изнеженному воспитанию, ибо менять часто тростниковый половик, жечь лампы, предпочитая их смоляным светильникам, служившим для освещения, и, наконец, не допускать соколов, собак, даже свиней возиться в большой приемной зале, казалось тогда неслыханной роскошью. Гости заняли места, и Лилия села между дядей и гостем; она была так свежа и весела, что Патрик, видя радость, сверкавшую в ее глазах, не мог удержаться от нового припадка ревности, в то время как гость с полной свободой и чрезвычайной привлекательностью рассказывал много занимательных вещей о той ненавистной Англии, которую, как истый шотландец, должен бы был презирать. Хвала Франции нашла отголосок у слушателей; но похвалы английским нравам и обычаям, в данном случае, казались почти изменой слову и чести. Напрасно старался Патрик оспаривать взгляды сэра Джеймса едкими, ироническими словами; он встречал такое превосходство в спокойствии и хладнокровии своего противника, что был изумлен, как мог шотландский рыцарь быть таким неуступчивым, хотя не было ничего надменного или насмешливого в голосе гостя.

Малькольм осведомился у сэра Джеймса, был ли в Англии великий поэт по имени Чосер. Рыцарь отвечал утвердительно и, по просьбе присутствующих, согласился по окончании ужина прочитать несколько восхитивших слушателей поэм, и среди них историю терпеливой Гризельды, так прекрасно переданную Чосером. Этот рассказ возбудил тысячу замечаний со стороны Патрика и Лилии о недостатке благородства маркиза, на что Малькольм поспешил возразить, что все-таки он имел дело с крестьянкой.

– А не все ли равно, молодой человек? – отвечал сэр Джеймс серьезно. – Разве звание женщины не то же, что и у ее мужа? Знайте, что, как бы ни было низко ее происхождение, мужчина, возвысивший ее до себя, именно поэтому и обязан первый уважать ее!

– Несомненно, когда обряд совершен, – сказал сэр Дэвид. – Но, по моему мнению, неравенство звания всегда пагубно, и я видел много печальных последствий неравных браков.

– Но по этому поводу, сэр, – воскликнул Патрик с оживлением, – не можете ли вы опровергнуть тех, кто утверждает, что наш король дозволил до такой степени опутать себя одной англичанке, что даже обещал разделить с ней корону?

Яркий румянец вспыхнул на щеках сэра Джеймса Стюарта, и глаза его гневно сверкнули. Однако, сделав усилие над собой, он сдержался и строго ответил:

– Юный сэр, соблаговолите относиться впредь с большим уважением к своей будущей королеве! – Сэр Дэвид сделал знак сыну, чтобы тот замолчал, и, обратившись к Джеймсу, возразил: – Будьте уверены, что мы первые будем почитать королеву, если только Божьей милостью будем иметь ее, – но когда вы вернетесь к королю, то сообщите, что шотландская кровь, текущая в наших жилах, трудно перенесет английский брак, недостойный его сана.

– Король ответил бы, сэр, – возразил Джеймс с достоинством, – что ему одному подобает судить, какая женщина достойна поклонения его народа. Впрочем, – сказал он, примирительно, – шотландцы, право, были бы слишком горды, если бы пренебрегли племянницей последнего короля, правнучкой Эдуарда Третьего и девушкой до того благородной и величественной, что другой еще не было на ступенях трона!

– Так она очень хороша? – спросила Лилия, весьма естественно ощущая восторг к таким рыцарским чувствам. – Вы ее видели, благородный сэр? О, опишите ее нам!

– Прекрасная леди, – сказал Джеймс, смягчая голос, – вы забываете, что я бедный пленник и, следовательно, мог видеть леди Анну Бофор только в редкие минуты и с тем уважением, с каким подобает относиться к августейшей особе будущей моей государыни; все, что я могу вам сказать, – так это то, что ее вид и

поступь достойны престола!

– Но, – воскликнул Малькольм, – правда ли, что король сочинял песни и поэмы в ее честь?

– Ба! – прошептал Патрик. – Может ли король встать в один ряд с бродячими трубадурами!

– Или царем Давидом, – сухо сказал сэр Джеймс.

– Так это правда? – воскликнула Лилия. – В таком случае, кроме других талантов, он обладает еще гением поэта! Знаете ли вы некоторые из его сочинений? Не споете ли их нам?

– Нет, сударыня, – отвечал сэр Джеймс, – этим я, право, только увеличу презрение, с которым сэр Патрик относится к нашему пленному королю.

– Пленному! Да, для пленника поэзия действительно самое лучшее препровождение времени! По крайней мере, – сказал Патрик, – будем надеяться, что когда король получит свободу, то найдет себе более достойное занятие! Мне сейчас пришла в голову аллегория, представленная на десертном блюде, виденном мной на одном французском банкете. Аллегория эта изображала льва, влюбленного в дочь охотника и позволившего из-за этой любви лишить себя когтей и зубов, и остаться, таким образом, беззащитным; но настал день, когда он очутился во власти собак отца красавицы!

– Отвечаю вам, сэр Патрик, – немедленно возразил гость, – что леди Иоанна, напротив, с удовольствием видела бы льва освобожденным от западни охотников, с когтями и зубами, остро наточенными жаждой мщения!

– А сонет, – спросила Лилия, – почем знать? Может быть, он превратит Патрика в самого преданного слугу леди Иоанны? Малькольм, твою арфу!

Малькольм уже встал за арфой – инструментом очень любимым им, тем более что многие старались разочаровать его насчет музыки.

Рыцарь выпрямился на стуле и, после нескольких минут молчания, сказал задумчиво, что несколько смягчало его обыкновенно строгие черты:

– Если уж мне надо уступить вашему желанию, сударыня, то я спою сонет, сочиненный королем Джеймсом, когда он в первый раз увидел даму сердца сквозь решетки своей тюрьмы. Он сделал вид, что принял ее за соловья!

– Что такое соловей? – спросила Лилия. – Я часто встречаю это название в поэмах и воображала себе, что это ангел, поющий по ночам.

– Это птица, сестра, – отвечал Малькольм. – Филомона, пронзившая себе грудь и поющая до последнего своего издыхания.

– Басня и сказка бродячих певцов, Малькольм! – сказал Патрик. – Я видел и слышал эту птицу во Франции, и уверяю вас, что если бы был дамой, то почел бы жалкой похвалой сравнение с этой маленькой и бедной деревенской птичкой.

– Очень может быть, – отвечал рыцарь. – Но я разделяю убеждение леди Лилии и так уверен, что соловьи – ангелы, принимающие этот образ, что мне иногда грустно подумать, что когда буду на свободе, то не услышу более их мелодичного пения в Виндзорских лесах.

Патрик пожал плечами; но Лилия, нетерпеливо ожидавшая услышать сонет пленника, упросила его молчать.

Сэр Джеймс запел звучным и задушевным голосом, аккомпанируя себе на арфе, причем выказал удивительный вкус и редкий талант. Он пел песню виндзорского соловья из поэмы «Ле Кер», в которой говорится о любви Якова I. Все столпились около него, чтобы не проронить ни слова, и даже старый сэр Дэвид умилился. Он мысленно переносился к царствованию Роберта III, к тревожному времени, которое казалось ему счастливым в сравнении с настоящими скорбями. Но сэр Джеймс, желая предупредить всякое замечание о стихах, спетых им, тотчас же попросил Малькольма дать ему понятие о своем искусстве, и вечер прошел в занятиях музыкой, балладами и песнями до тех пор, пока прощальный кубок не перешел из рук в руки и не подал знака к разлуке.

Тогда опекун Гленуски и Малькольм проводили гостя до назначенной ему комнаты, в которой находилась большая деревянная кровать и на полу была

постелена циновка для двух его конюхов; один из них был высокий шотландец с бронзовым цветом лица, другой – румяный, честный и веселый англичанин.

На следующий день, с рассветом, гость отправился в путь, получив приглашение остановиться в замке при своем возвращении. Он охотно дал слово, говоря, что будет счастлив передать королю мудрые советы такого уважаемого рыцаря, как опекун Гленуски. Со своей стороны, Малькольм и сэр Дэвид решились по возможности помочь ему золотом для того, чтобы знатный пленник не потерпел неудачи в своем предприятии; к несчастью, золото было редкостью, и Патрик нуждался в деньгах, которыми мог снабдить его отец, чтобы дать ему возможность ехать воевать во Францию, где он надеялся обрести и славу и богатство.

Все это происходило, как легко догадаться, в тяжелое время, переживаемое Шотландией, когда король ее Яков I был пленником Англии и дом д’Олбени тиранствовал во внутренних землях, со дня на день откладывая уплату выкупа за монарха из боязни вернуть к себе властителя.

Старый Роберт, герцог д’Олбени, царствовал под именем Сторка; его сын, Мэрдок, наследовал ему под именем короля Лога. Бедствие, возраставшее уже во время этих двух царствований, увеличилось от жестокостей сыновей Мэрдока. «Король Роберт II, – как передает нам Фруассар, – оставил Шотландии роковое наследство: одиннадцать сыновей-воителей», из них Роберт III был старший, а Грегор д’Олбени – второй. Их наследниками были: первого – юный пленный король Джеймс, или Яков I, второго – двое сыновей: регент Мэрдок, герцог д’Олбени, и брат его Джон, герцог Буканский, намеревающийся поднять все шотландское войско. С ним-то Патрик и рассчитывал отправиться на помощь французам.

Остальные девять братьев, в числе которых были графы д’Атоль и Мейтейт, были еще живы, кроме младшего из них, Малькольма, женившегося на наследнице Гленуски и убитого при Гамильтон-Хилл. Умирая, он заставил братьев своих и племянников Стюартов торжественно обещать предоставить попечение и опеку над его двоими детьми-сиротами двоюродному брату их матери, сэру Дэвиду Драммонду. Близкий доверенный Роберта III, добрый старик этот был во время его несчастного царствования самым твердым приверженцем партии злополучного монарха, и в частые свои поездки во Францию, куда его призывали важные поручения, он незаметно сбросил с себя грубые и дикие обычаи, завладевшие Шотландией во время роковых битв, которые она должна

была вести с Англией.

Глава II. Внезапная стычка и возвращение в Холдингхэм

Одинокий путь, протоптанный лишь стопой человека и копытом лошади, служил единственной большой дорогой, соединяющей Варвик с Эдинбургом. Болотистый, покрытый вереском, он простирался по обширной равнине, окаймленной лесом, среди которого возвышался холм; судя по окопам, окружающим этот холм, можно было предполагать, что тут в былые времена устраивали лагерь. Теперь же место это было в совершенном запустении, – лишь иногда забредали туда пастухи или же беглые устраивали ночлег.

Весна покрыла поля зеленью, разукрасила деревья молодой листвой и рассыпала по лугам цветы белой буквицы и желтомолочника. Вдруг тишина безмолвной и уединенной долины была нарушена конским топотом и учащенным дыханием всадников, ехавших во всю прыть. Поравнявшись с холмом, путники остановились, и старший из них, взяв за уздцы коня своего молодого товарища, сказал:

– Здесь можно отдохнуть немного, – мы хорошо защищены лесом. Ты же, Раав, отправляйся на Хиллс-Кноу, и смотри в оба.

– Отвяжись от меня, обманщик! – пробормотал юноша, лишь только смог перевести дух.

– Да не упрямьтесь же, лорд Малькольм, – ответил тот, не выпуская из рук поводья лошади, – зачем снова бросаться в волчью пасть, когда мы только что из нее вырвали вас здоровым и невредимым.

– Здоровым и невредимым!.. Вследствие подлого бегства! – вскричал Малькольм, плача со злости. – Бежать так, и бросить сестру с дядей! И что с ними теперь сталось? Гальбер, пусти меня, иначе я тебе никогда не прощу этого…

– Неужели вы думаете, милорд, что я вас пущу, тогда как опекун ваш сказал: «Увези Малькольма; спасая его, ты и нас спасешь; передай его в руки герцога де

Мару. Вот какие были его последние распоряжения. Если вам не желательно следовать им, то я постараюсь исполнить их в точности.

– Что, оставить сестру в руках этих разбойников? Ах, кто знает, как теперь они с ней обращаются! Пусти меня, Гальбер, я хочу непременно напасть на этих предателей! Отраднее умереть, спасая ее, чем знать, что она во власти сэра Уолтера Стюарта! Иначе я окажусь подлым трусом, каким они меня и воображают…

– Рассудите хорошенько, лорд Малькольм, – сказал Гальбер, – может ли что угрожать молодой леди, когда вы будете в безопасности от мастера д’Олбени? Но если бы вы, как он рассчитывал, замешались в схватку и он мог усадить вас за монастырские решетки, тогда, без всякого сомнения, сестра ваша сделалась бы предметом его желаний. Успокойтесь, мессир д’Олбени не женится на ней до тех пор, пока вы живы и у вас будут друзья, готовые подать вам руку помощи. Что же касается обращения с ней, регент не позволит ее обидеть; значит, все, что вам теперь остается делать, как ради нее и вас, так и ради сэра Дэвида, – это ехать, как можно скорее, в Денвер и взять себе на помощь ваших дядей, д’Атоля и Стратерна. Что такое, Раав, не едут ли уже сюда эти негодяи?

– Нет, нет, – ответил Раав, спускаясь с возвышения, – какой-то рыцарь едет с противоположной стороны. На нем дамасское вооружение, и он очень походит на гостя, что был в замке несколько недель тому назад.

– Гм! – заметил Гальбер озабоченно. – С виду он казался добрым малым. Может, удастся ему добрым советом успокоить милорда? Во всяком случае, по пути в Денвер нельзя пренебрегать хорошим защитником.

Избежать же встречи было немыслимо, так как, защищенный лесом от взоров беглецов, все внимание которых было обращено на противоположную сторону, сэр Джеймс в сопровождении двух конюхов внезапно предстал перед путниками в то самое время, когда они, пользуясь минутой отдыха, разнуздали лошадей, а конюх Гальбер всеми силами своего красноречия тщетно старался успокоить молодого хозяина, бросившегося на траву в припадке горести и бессильного отчаяния.

Встреча эта сильно удивила сэра Джеймса; соскочив с коня, он бросился к Малькольму со словами:

– Что такое? Что случилось с вами, любезный хозяин? Отчего такое отчаяние?

– Не спрашивайте, сэр! – промолвил юноша. – Их отняли у меня, и я не мог их спасти! Они теперь во власти Уолтера д’Олбени, а я здесь один-одинешенек!

И Малькольм снова предался отчаянию.

Тут Гальбер объяснил сэру Джеймсу Стюарту, что Патрик Драммонд уехал во Францию с шотландским войском, поднятым герцогом Буканским на защиту Карла VI, и что его отец с кузенами, под сильным конвоем проводили его до Эйсмута; затем отправились в Холдингхэмское аббатство, чтобы провести там Пасху, так как по тогдашним обычаям большая часть шотландских дворян не находила для себя удобным исполнять в собственных замках христианские обязанности.

Во время этого короткого перехода на них напала шайка вооруженных людей, в числе которых, по исполинскому росту, легко можно было отличить молодого Уолтера, мастера д’Олбени, старшего сына регента Мэрдока, известного своей чрезмерной буйностью и бесчинствами.

Сладкие речи старика и грубые насмешки сына в отношении Малькольма ясно доказывали всем гленускским обитателям, что с давних пор гнусная политика этого семейства клонилась к тому, чтобы лаской или насильственными мерами склонить юного наследника заточиться в монастыре, предоставив сестре свое громадное состояние, которым они хотели воспользоваться после брака Лилии с Уолтером.

Свирепый и безнравственный нрав Уолтера был побудительной причиной, чтобы Лилия с отвращением отвернулась от такого союза, если бы даже она и не была влюблена в Патрика Драммонда, своего кузена. Сэр Дэвид ограждал ее от этой опасности, удерживая Малькольма от поступления в монахи; но Уолтер вышел из терпения и этим внезапным нападением надеялся одновременно завладеть сестрой и избавиться от брата.

Во время схватки опекун Гленуски заметил, что нападающие берут верх над его воинами, и, подозвав к себе Гальбера, приказал увести детей в безопасное место. Гальбер, заметив, что сэр Уолтер уже завладел Лилией, схватил лошадь Малькольма под уздцы и, в то время как тот напрасно силился обнажить меч,

проворно вывел его из схватки, прежде чем тот успел сообразить, что с ним делают. Теперь же, когда молодой человек взвесил всю глубину несчастья, постигшего его, ужас, стыд и отчаяние овладели им.

Не успел Гальбер окончить свой рассказ, как вдруг караульные известили о приезде сэра Уолтера и его людей. Одним прыжком сэр Джеймс вскочил на коня и отправился воочию убедиться, действительно ли это сэр Уолтер, так как было еще неизвестно, направится ли он по пути в Эдинбург или же в Дун. Гальбер же, со своей стороны, всеми силами старался вывести из оцепенения своего юного господина, но Малькольм и не думал шевелиться, а только угрюмо повторял, что непременно желает попасть в плен и умереть со своими.

– А вы, напротив, могли бы спасти их, – заметил сэр Джеймс, – если бы только выслушали меня…

При этих словах юноша вскочил на ноги – луч надежды оживил его.

– Сколько их было при нападении? – спросил рыцарь.

– До трехсот человек, – ответил Гальбер. – Было бы безумием и думать о сопротивлении.

– Если я не ошибаюсь, – заметил сэр Джеймс, – шайка, едущая на нас, состоит не более как из шестидесяти человек; значит, они разделились после своего нападения, и остальные отправились занять Гленуски; мне кажется, если бы напасть на них из этой засады…

– Понимаю! Понимаю! – вскричал Гальбер. – Назад, парни, назад! Спрячьтесь за этим леском, и пусть каждый держит своего коня наготове!

– С вашего позволения, – заметил сэр Джеймс, обращаясь к Гальберу, – я бы посоветовал, чтобы все привязали своих коней, потому что пешим мечи принесут в десять раз больше пользы.

– Исполняйте приказания рыцаря! – сказал Малькольм. – Я ему полностью доверяю!

В эту минуту юноша был неузнаваем: глаза его блестели необыкновенным блеском, щеки покрылись ярким румянцем, все существо его преобразилось!

– Да, да! Будьте спокойны, лорд Малькольм, – пробормотал Гальбер. – Ваше приказание излишне; я слишком хорошо знаю свои обязанности, чтобы не подчиниться распоряжениям рыцаря такого высокого происхождения.

Что же касается двух конюхов сэра Джеймса, то они выказывали явное неудовольствие и на все доводы рыцаря возражали глухим ропотом, но тот не обращал на это никакого внимания и весело отвечал:

– Вот увидишь, Нигель, как сердце твое радостно забьется, когда свалишь одного из хорошеньких миньонов д’Олбени, и сам-то я на кого буду походить, если упущу случай отомстить этому семейству за его бесчестные и низкие поступки против моих осиротевших родственников!

Разговаривая таким образом, сэр Джеймс снял свой ток и надел стальной шлем, затем принялся размещать своих людей.

Некоторым он велел встать в засаде за пригорком, а сам с Гальбером и людьми, составляющими его личную свиту, приготовился к атаке. Малькольм неподвижно стоял возле него. Конский топот и бряцание оружия становились все яснее и яснее; много труда стоило сэру Джеймсу успокоить нетерпение своей команды, – он даже был принужден с обнаженным мечом удерживать их в засаде до тех пор, пока неприятель не спустился в долину и не разбрелся по ней; некоторые из них даже стали поить своих лошадей. Страшный беспорядок господствовал во всем войске: оно медленно продвигалось с той беспечностью воинов, довольных собой за только что исполненные ими великие подвиги и, конечно, далеких от мысли встретить тут засаду. Среди них была и Лилия, укутанная, длинным пледом, которым и была связана; ее вез поперек седла тощий и хилый юноша, в котором Малькольм тотчас же узнал Христофа Галла, одного из служителей герцога д’Олбени. Рядом с ними ехал сэр Уолтер Стюарт – юноша лет двадцати, резкие черты лица, болезненный и усталый вид которого свидетельствовали о преждевременной старости; по громадному же росту и атлетическим формам Малькольм с первого же взгляда узнал его. Он содрогнулся от ужаса и глубокого отвращения при виде этого человека, зверские инстинкты и грубость которого ему были так хорошо известны не только в отношении его самого, но даже и по адресу своего отца ему не раз приходилось выслушивать самые язвительные насмешки и унизительные шутки. Кроме того, видеть сестру во власти этой

испорченной твари – не было ли осуществлением самых преувеличенных опасений? Но тут не было времени для размышлений, так как сэр Джеймс с возгласом «Святой Андрей за нас!» стремительно бросился на неприятеля и увлек за собой пятнадцать человек, сидевших в засаде. Одним прыжком Малькольм оказался около сестры, левой рукой схватился за поводья ее лошади, а правой вынул меч из ножен, замахнулся на грума и крикнул:

– Убирайся, разбойник! Отдай мне сестру!

Галл хотел было проскочить мимо Малькольма, но тот с неимоверным усилием удержал его лошадь. Борьба происходила среди криков, бряцания оружия и беспорядка, царившего при всеобщей схватке. В то время как Христоф Галл оставил на секунду Лилию, чтобы вынуть меч из ножен, та мигом соскочила с лошади и своим падением чуть не опрокинула брата, но тот удержался на ногах и принял ее в свои объятия. Лошадь, почувствовав, что никто более не удерживает ее, полетела как стрела, унося с собой Галла.

Малькольм, к которому уже возвратилось спокойствие, остался на месте, одной рукой сжимая свой меч, а другой обнимая сестру и уверяя ее, что теперь она вне всякой опасности. Сознание победы воодушевило его: не сам ли он спас ее?

На его счастье, сам неприятель помог его победе: все люди герцога д’Олбени после столь внезапного нападения вообразили, что противников их гораздо больше, чем было на самом деле, и бросились врассыпную, оставив нападающим поле сражения.

Сэр же Джеймс Стюарт не мешкал ни секунды: первым делом, он, как лев, бросился на сэра д’Олбени и, забыв об оружии, сцепился с ним врукопашную.

– Во имя святого Андрея и короля, ты отдашь свою добычу, негодяй! – крикнул он сэру Уолтеру, стараясь стащить его с лошади. Началась страшная, ожесточенная борьба… Юный великан боролся, вертелся на месте, ругался от бешенства и злости, потому что никак не мог обнажить ни своего меча, ни достать кинжал; он довольствовался только тем, что ударял противника своей железной перчаткой и всеми силами заставлял лошадь двигаться вперед.

Сражающихся в данную минуту можно было сравнить с Геркулесом и Антеем, – так яростно и сильно вцепились они друг в друга, что никакая сила не в

состоянии была бы разнять их. Когда Малькольм и Лилия обратили на них внимание, сэр Уолтер с шумом свалился на землю.

Сэр Джеймс легонько наступил ему на горло, чтобы удержать его в лежачем положении, и, после нескольких секунд молчания, произнес глубоким и чистым голосом:

– Уолтер Стюарт д’Олбени! Я дарю тебе жизнь только с одним условием: поклянись, что с этой же минуты ты не запятнаешь себя ни одним злодеянием, ни одной междоусобной войной до тех пор, пока твой отец будет властвовать над Шотландией. Поклянись, и тебе будет дарована жизнь, иначе… – И кинжал блеснул над самым горлом д’Олбени.

– Кто же ты такой, негодный искатель приключений, чтобы позволить себе вымогать клятвенные обещания у рыцарей? – пробормотал сэр Уолтер.

Рыцарь медленно поднял забрало своего шлема; последние лучи заходящего солнца осветили его стальное вооружение и крест святого Андрея, висевший на шее; огненная искра озарила его глаза, и удивительное спокойствие его прекрасного лица, выражавшего сдержанное негодование, олицетворяло в нем образ ангела, исполняющего небесное правосудие.

– При следующей встрече ты меня наверно узнаешь! – промолвил он просто.

Звук этого спокойного голоса заставил сэра д’Олбени затрепетать всем телом.

– Я поклянусь, – промолвил он слабо, – только отпусти меня!..

Прежде чем отпустить его, сэр Джеймс расстегнул свой нагрудник, вынул цепь, на которой висел медальон, сделанный наподобие креста святого Андрея, в середине которого находились мощи, прикрытые бриллиантом. При виде этой драгоценности белесоватые глаза сэра Уолтера внезапно раскрылись, ужас объял его, капли пота покрыли лоб и дыхание его участилось; Малькольм и Лилия, стоявшие рядом, были тоже объяты ужасом, так как они слышали, что эта святыня, бывшая, как говорили, одним из обломков мученических орудий святого Андрея, принадлежала, судя по преданиям, святой Маргарите и впоследствии сделалась охранительницей королевского дома Стюартов.

– Становись на колени, – сказал сэр Джеймс, отступая, – и клянись пред этой святыней!

Совершенно побежденный, Уолтер преклонил колени и дрожащим голосом повторил за сэром Уолтером:

– Я, Уолтер Стюарт, мастер д’Олбени, клянусь именем Бога и святого Андрея не вмешиваться ни в одну ссору или междоусобицу, не грабить ни мужчин, ни женщин и не притеснять кого бы то ни было: бедного ли, церковника ли, вдову ли, девушку или сироту, и стараться избегать всякого бесчестного дела, начиная с этой минуты до того времени, когда король наш примет над Шотландией бразды правления.

Когда Уолтер кончил и поцеловал святыню, сэр Джеймс сказал холодно и с достоинством:

– Чтобы с сего же часа клятва эта была для тебя священной, – или берегись!.. Теперь иди своей дорогой и подумай о нашей следующей встрече…

Тут Бревстер, английский конюх сэра Джеймса, подвел Уолтеру лошадь; и тот, не промолвив ни слова, сел на нее и отправился к своим разбежавшимся товарищам, в безопасном месте ожидавшим исхода страшной схватки и не помышлявшим даже пытаться прийти к нему на помощь.

– Ах, сэр!.. – пробормотал Малькольм, желая высказать рыцарю свою благодарность, но голос его оборвался, и он стал, по привычке, искать своего опекуна, приходившего ему всегда на помощь в затруднительных случаях; вдруг он вскрикнул с ужасом: – Энди!.. Где он? Где сэр Дэвид?

– Увы, брат! – сказала Лилия. – Я оставила его распростертым на земле; он упал возле моей лошади, затем я больше ничего не видала, так как сэр Уолтер схватил меня и завязал мне глаза.

– О! Вернемся назад! Быть может, мы застанем его еще живым!..

– Да, вернемся, – сказал Джеймс. – Может, мы успеем спасти доброго старика; эти негодяи не посмеют теперь напасть на вас, к тому же Нигель и Бревстер

поедут за нами.

– Сэр, – начала Лилия, – как выразить вам…

– Перестаньте, сударыня, – перебил ее сэр Джеймс, улыбаясь, – лучше поторопитесь сесть в седло; но, кажется, вам придется ехать с кем-нибудь вместе, – не благоразумно заставлять одного из ваших защитников идти пешком.

– Она поедет со мной, – возразил Малькольм более доверчивым и веселым голосом, чем обыкновенно.

– Что и справедливо, – ответил сэр Джеймс, положив руку на плечо юноши, – вы отвоевали ее, значит, сумеете и сберечь! Да, ловкое нападение сделали вы на этого негодного грума!

Как ни велико было беспокойство Малькольма по поводу участи дяди, но слова эти заставили его сердце затрепетать неизвестной ему дотоле радостью; из осмеянного труса они возвысили его на степень благородного и храброго юноши!

Лилия, храбрая и бесстрашная, как почти все девушки тех отдаленных времен, не нашла ни малейшего неудобства в способе предложенного ей путешествия; и лишь только Малькольм уселся на лошадь, она с помощью опытной руки сэра Джеймса вскочила за братом, обняла его и ласково положила голову на его плечо, совершенно счастливая и гордая только что выказанной им храбростью.

– Милый Малькольм! – сказала она. – Как будет доволен Патрик, когда узнает, что я обязана своим спасением единственно твоей храбрости! Бездельник! Выбрать для своего нападения именно ту минуту, когда корабль уносил от нас Патрика!

Но скорость езды мешала их разговору, к тому же сэр Джеймс был слишком близко. Более часа ехали они галопом по болотистой равнине и затем въехали в то самое ущелье, где сэр Уолтер произвел нападение на наших путников. Здесь можно было надеяться найти сэра Дэвида, но никаких следов его не было, лишь местами трава была смята и виднелись лужи крови. Тут Гальберу пришла мысль, что, может, кто то из слуг проходил мимо этого места и, увидев сэра Дэвида,

перенес его в Холдингхэмское аббатство; так как это аббатство представлялось и брату и сестре самым надежным убежищем, то все направились туда.

Древнее Холдингхэмское аббатство было построено королем Эдгаром, сыном святой Маргариты, в доказательство своей благодарности за восстановление отца на престоле Шотландии, отнятом у него Дональдбаном.

Приорство это всегда пользовалось большим уважением шотландских королей, принадлежащих к знаменитой династии Маргариты Эссекской. Этому монастырю принадлежало большое количество земли, на доходы с которой, при дельном управлении, содержалась духовная школа, образцовая ферма, приют для нищих и, наконец, укрепленный замок. В настоящее время настоятель обители Жан д’Акеклив, или Уклив, человек редкой доброты и большой друг Дэвида Драммонда, был в ссоре со всем домом Олбени, глубоко ненавидевшим его; понятно, что при таких обстоятельствах монастырь этот был первым пристанищем, избранным приверженцами сэра Дэвида.

Малькольм с товарищами направился к главному подъезду аббатства – огромной арке величественного вида, разукрашенной, по обычаю нормандских архитекторов того времени, странными изображениями всевозможных зигзагов, острых зубов, клювов попугаев человеческих лиц, дьявольских голов и тому подобных изваяний. Двери были из тяжелого дуба, окованного железом. При приближении путников голова монаха высунулась из окна, затем последовало восклицание:

– Добро пожаловать, лорд Малькольм! Ах, как ваш приезд успокоит гленускского опекуна!

– Значит, он здесь! – вскричал Малькольм с живостью.

– Конечно, сэр, – отвечал монах, – но в каком отчаянном положении! С час тому назад четыре монаха принесли его, полуживого, и сообщили нам о гнусном нападении мастера д’Олбени. И все время как сэр Дэвид в этой обители, он не перестает плакать и стонать над вашей участью. Но как вырвались вы из его когтей, милорд?

– Благодаря этому рыцарю, – ответил Малькольм.

Тут двери обители открылись, и монахи ввели наших путников в обширный четырехугольный двор, окруженный огромным зданием, названным «стенами Эдгара» в память основателя обители, воздвигшего ее для себя и своего семейства. Это узкое и длинное здание хорошо было известно Малькольму, и он прямо направился к нему, приветствуемый со всех сторон поздравлениями монахов. Лилии позволено было следовать за братом, но с условием, чтобы она не переступала пределов часовни, вход в которую женщинам был строго запрещен, несмотря на то что монастырь этот, основанный в отдаленные времена разрушительных набегов датчан, предназначен был как для монахов, так и для монахинь.

Поспешно прошли брат с сестрой в зал и вошли в комнату, где лежал на кровати сэр Дэвид; возле него сидел на постели д’Акеклив и доктор, призванный к больному. Радостные вести, переданные с быстротой молнии, уже дошли до старика; завидев вошедших, он протянул к ним руки, благословил их и осыпал поцелуями, затем произнес трогательные молитвы благодарности. Страшная бледность покрывала его лицо, и время от времени сильные спазмы заставляли его содрогаться; впрочем, на вопрос Лилии о состоянии его здоровья он ответил, что все теперь ничего не значит, так как он успокоился, увидев ее и Малькольма; затем просил привести к нему сэра Джеймса, чтобы выразить ему свою благодарность.

Тем временем сэр Джеймс Стюарт снял шлем и привел в порядок свое одеяние; когда он встал, чтобы последовать за Малькольмом, его высокий рост и мужественная осанка полностью гармонировали с жилищем старого шотландского короля.

Его вид до того поразил сэра Дэвида, что он, привстав на своем ложе, широко раскрыл глаза и, пристально вглядевшись в рыцаря, вскричал:

– Государь! Повелитель мой возлюбленный!

– Да он в бреду! – испуганно сказала Лилия, схватив руку брата.

– Нет, я ошибся… – пробормотал старик, опускаясь на подушки. – Бедный король Роберт давно спит в своей могиле, а что касается его сыновей… Горе мне!.. Сэр, – прибавил он, приходя в себя, – простите эту ужасную ошибку умирающему старику, который не в состоянии выразить вам свою благодарность.

– Не пожертвуете ли вы мне несколько минут? – сказал сэр Джеймс и, обратившись к Малькольму к Лилии, прибавил: – Не беспокойтесь, это будет ненадолго.

Столько повелительного чувствовалось во всем его тоне, что противиться ему было немыслимо; впрочем, в монастыре царствовал дух такого послушания, что даже настоятель поспешил произнести:

– Пойдемте, дети мои; не должны ли вы за ваше неожиданное спасение воздать благодарность Богу!

Принужденный идти, Малькольм отправился с Лилией в часовню, и, став на колени над алтарем, оба стали усердно молиться, обуреваемые сомнениями, волновавшими их души, и в предчувствии ожидающего их горя.

Окончив молитву, они возвратились к больному, у изголовья которого сидел сэр Джеймс; тот встал и подал скамейку Лилии, не думая, впрочем, удаляться.

– Дети, – сказал сэр Дэвид, – Господь, в неиссякаемом милосердии Своем, даровал вам покровителя, несравненно могущественнейшего меня, слабого старика. Малькольм, сын мой, ты последуешь завтра ж за этим рыцарем, и он представит тебя настоящему главе твоего рода, он представить тебя королю!..

– Расстаться с вами, отец, и с Лилией. Это невозможно! – вскричал Малькольм.

– Если ты называешь меня отцом, Малькольм, то должен исполнять мою волю, – сказал сэр Дэвид. – А сестру твою можно будет поручить попечению добрых сестер Святой Эббы, потому что до тех пор, пока ты будешь вне опасности от герцогов д’Олбени, ей нечего опасаться. В случае же моей смерти ваши дяди, д’Олбени и д’Атоль, сделаются вашими опекунами, тогда и настоятель не в состоянии будет защитить вас. Только вдали отсюда и подле короля ты можешь быть в безопасности, а с твоей безопасностью сопряжено благосостояние твоей сестры.

– Когда же наконец король получит свободу, – прибавил сэр Джеймс, – а вы достигнете совершеннолетия, то возвратитесь сюда и снова будете покровительствовать своей сестре, если до того времени она сама не изберет себе другого, более близкого покровителя. Но до того времени, – продолжал он,

положив свою руку на голову Малькольма и снимая с шеи святыню, приведшую в такое смятение сэра Уолтера, – клянусь крестом святого Андрея покровительствовать Малькольму Стюарту из Гленуски не только как родственнику, но как младшему брату.

– Ты слышал, Малькольм? – сказал сэр Дэвид. – Надеюсь, что ты постараешься быть достойным такой милости.

– Неужели, отец, вы хотите разлучить нас! – снова возразил Малькольм. – Ах! Давайте жить как в былые времена, до тех пор пока я достигну возраста, необходимого для поступления в монастырь! К тому же какой слуга из меня королю?

– Это уж его дело, – возразил сэр Джеймс.

– К тому же, – продолжал сэр Дэвид, – я и не надеюсь, что прежние мои силы когда-нибудь возвратятся; и я от всего сердца возблагодарил бы всех святых, если бы завтра был в состоянии вернуться в Гленуски.

В обычаях того времени молодому человеку было немыслимо явно сопротивляться воле старика; впрочем, Малькольм, не допуская мысли, что раны его дяди могли быть не только смертельны, а даже и просто опасны, обратился к настоятелю монастыря с просьбой поддержать его. Но настоятель д’Акеклив не согласился с ним.

Нельзя было и думать позволить Малькольму произнести монашеский обет ранее, чем он достигнет восемнадцатилетнего возраста, к тому же его поступление в монастырь делало Лилию единственной наследницей Гленуски и тем навлекало на ее голову всевозможные опасности. Кроме того, в настоящее время и сам настоятель был в страшном затруднении вследствие желания регента заместить его одним монахом по имени Уильям Дрэк.

Конечно, назначения такого рода исходили из Дурхэма, но так как всегда руководствовались мнением регента, то положение настоятеля было в данное время очень сомнительно.

– О, поезжай, поезжай, милый Малькольм! – воскликнула Лилия умоляющим голосом. – Я буду счастливее, когда уверюсь, что ты вне всякой опасности! К

тому же тогда и мне нечего будет бояться.

– Но ты, Лилия! Что с тобой станется, когда этот гадкий Дрэк добьется своей цели?

– В монастыре Святой Эббы она будет в совершенной безопасности, – заметил аббат. – Игуменья не выдаст ее. Впрочем, милорд, мы уже несколько раз говорили вам, что ваше удаление принесет вашей сестре гораздо больше пользы, чем присутствие, да кроме того, у нас есть надежда поддержать здоровы вашего опекуна только тогда, когда он нравственно успокоится.

Малькольму ничего более не оставалось, как покориться. Было решено, что на следующий же день с рассветом Лилию отвезут в монастырь Святой Эббы, находящийся в шести милях от Холдингхэма, и что в то же самое время Малькольм уедет с сэром Джеймсом, который не мог далее откладывать свое возвращение в Англию.

Бедные дети!.. После ухода сэра Джеймса Стюарта в комнату настоятеля они остались, грустные и молчаливые, у изголовья своего опекуна и пробыли там до того времени, когда колокол возвестил начало утренней службы; затем они отправились в церковь, слабо повешенную восковыми свечами, встали рядом на колени и, пожав друг другу руки, принялись усердно молиться. Лилия сохраняла свое обычное мужество, но что касается Малькольма, то взор его блуждал по дорогим и хорошо знакомым ему сводам, подобно птице, выгнанной из уютного гнезда, чтобы подвергаться всем опасностям бури, волнующей океан, не имея при себе ни одного дорогого существа, могущего поддержать его во время опасности.

По окончании службы настоятель д’Акеклив подошел к молодым людям и сказал Лилии:

– Милое дитя мое, я решил, что для вас гораздо безопаснее будет отправиться в путь, пока еще не совсем рассвело, и потому предупредил об этом игуменью Святой Эббы. Лошадь ожидает вас, и я сам поеду с вами.

Было бы немыслимо заставить ждать такое важное лицо, как настоятель, и бедной девушке пришлось отправиться, даже не простившись со своим опекуном, который еще не просыпался. Проходя в дверь, она успела только

обменяться с братом несколькими прощальными словами.

– Не бойся, Лилия, – сказал Малькольм, – сердце мое не перестанет возмущаться до тех пор, пока врата сей обители не закроются за мной и Патрик не получит твоей руки.

– Нет, Малькольм, может, и сбудутся слова настоятеля, и ты приобретешь храбрость и силу, которых, по твоему мнению, недостает тебе.

– Во всяком случае, – возразил живо Малькольм, – я не обману ни церковь, ни Патрика!

– Что говоришь ты об обмане, когда не взял еще никакого обязательства? Патрик же приобретет себе состояние мечом, и он пренебречь бы…

– Молчи, Лилия! Когда король увидит мою слабость, то, конечно, с радостью обменяет меня на Патрика и, без сомнения, оставит в покое в этих благословенных стенах.

С этими словами они подошли к своду, где застали маленькое войско, содержимое, по тогдашним обычаям, в каждом монастыре в полном вооружении и готовое к отъезду; сэр Джеймс был тут же, желая сам усадить молодую путницу в седло. Перед отъездом брат и сестра крепко обнялись, не обращая ни малейшего внимания на увещевания настоятеля, уверявшего их, что расставание это пойдет на пользу как Лилии, так и Малькольму.

Через утренний туман тихо пробивались первые лучи восходящего солнца, мартовский ветер стал холоднее; издалека послышался глухой рокот волн, отбрасываемых приливом на берег, и на небосклоне обрисовалась темная масса Сент-Эббской обители, возвышающейся над самым обрывом скалы, – а там, в глубине, бледно освещалось зеленоватое море, отражая в себе утренние звезды, но так ясно, что было трудно отличить их от красноватого огня, светившегося из окон обители.

Лилию приняли в монастыре с распростертыми объятиями: там ее хорошо знали и очень любили. Хотя она и не имела монашеских наклонностей, но мысль, что только там может быть она в безопасности, совершенно успокоила ее. Но Малькольм; не выходил из ее головы. «Что станется с ним? Как совладает он,

такой слабый и застенчивый, с этой опасной и бурной жизнью, столь сильно его страшившей?»

Глава III. Генрих

Когда взошло солнце и своими веселыми лучами осветило мрачные стены Сент-Эббского монастыря, тяжелые ворота Холдингхэмской обители открылись и пропустили гостей прошедшей ночи.

Малькольм обнял своего опекуна, и тот, благословив его, поручил передать свои верноподданнические чувства новому его покровителю. Юноша, успокоенный насчет здоровья сэра Дэвида, отправился с незнакомцем, так странно принявшим на себя заботы о его будущности. Их сопровождал старый шотландский конюх сэра Джеймса, его английский грум и Гальбер – верный слуга Малькольма. Путники долго ехали молча; но когда мало-помалу мысли Малькольма отвлеклись от дорогих ему существ, только что им оставленных, его поразила переменчивость лица сэра Джеймса: то он ехал понурив голову, погруженный в глубокую думу, то вдруг внезапный луч освещал его лицо, мгновенно озарявшееся какой-то восторженной радостью, он оживлялся и, пришпорив лошадь, пускал ее вскачь. Иногда он вдохновенно поднимал глаза к небу, сочиняя пламенную речь, – губы его произносили отрывочные фразы, – но тут непременно какое-нибудь непреодолимое препятствие останавливало его, – он замолкал, уныло опускал взор, морщил брови и тихо продолжал путь, погруженный в новые размышления, до тех пор пока не развлекал его взлет лысухи или же бег испуганной косули; тогда он принимался напевать веселую французскую песенку или одну из заунывных шотландских баллад.

Едва успели они переброситься несколькими словами, как к полудню уже достигли узкой долины, откуда долетел до них звон колоколов, прерываемый разгульными песнями и звуками веселой музыки.

– Это перезвон церкви Спаса на Грине, где назначена нам стоянка, – ответил конюх на вопросительный взгляд сэра Джеймса. – Я думал, что ради поста мы избавимся от этого гама.

– Теперь средопостная неделя, язычник! – сказал сэр Джеймс. – Добрые люди пришли сюда попраздновать, и мы тоже повеселимся с ними.

– Мессир, – возразил конюх, – не лучше ли будет отложить это намерение и отправить меня за провизией?

– Ба! Голубчик мой, толпа для нас самая лучшая охрана, да кроме того, давно пора дать отдохнуть нашим лошадям.

И сэр Джеймс поскакал вперед. Малькольма несколько удивило, что тот и не подумал даже посоветоваться с ним. Он хотя и был воспитан в самых строгих правилах дисциплины, все же привык, чтобы к нему относились с уважением, подобающим внуку короля, а этот праздношатающийся рыцарь, искатель приключений, без крова и всякого пристанища, не думает ли он воспользоваться тем, что он, Малькольм, находится теперь в его власти, и пренебрегать в отношении его даже простыми правилами приличия?

Но когда сэр Джеймс бросил на него взор, сияющий беззаботным весельем, и промолвил смеясь: «Разомнемся-ка на шотландской ярмарке!» – мысль об оскорбленном самолюбии разлетелась в прах у обиженного юноши.

На лужайке, окаймленной палатками, лачугами и шалашами, гулял деревенский праздник. Направо возвышалась полуразвалившаяся церковь и гостиница, осененная ветвистым ясенем.

Сборище было самое разношерстное; к монахам и священникам, собравшимся здесь в большом количестве, присоединялись без всякого разбора люди всех сословий и состояний: фокусники, ряженые, певцы, музыканты, купцы, нищие; тут можно было встретить пастуха, завернутого в серый плащ, с собакой у ног, старуху с лукавой улыбкой, продающую труды своих зимних вечеров, жителей границы с тощим, голодным видом, наконец, веселые толпы молодых девушек с развевающимися кудрями.

Вся эта картина была освещена яркими лучами мартовского солнца.

Конюх Нигель вздохнул с видимым неудовольствием, а Малькольм, всегда избегающий толпы из боязни подвергнуться какой-нибудь дерзкой насмешке, невольно приблизился к нему; сэр Джеймс тем временем подъехал к гостинице,

бросил поводья своей лошади Бревстеру и, громко рассмеявшись над недовольными лицами своих слуг, весело поклонился трактирщице, загорелое лицо которой было украшено длиннейшими серебряными серьгами. Затем, усевшись за большой стол под ясенем, убранным гирляндой из сосновых ветвей, перемешанных ивовыми листьями и цветами подснежника, он перекрестился, прочел предобеденную молитву, вынул свой кинжал и принялся резать им огромный кусок говядины, лежащий на столе. Отрезав ломоть, он подал его Малькольму, глядевшему на него с нерешительностью, и стал беззаботно разговаривать с каким-то монахом и здоровеннейшим офицером, сидевшим тут же за столом. Джеймс, по-видимому, относился так же хладнокровно, как и остальное общество, к безыскусственной сервировке обеда: простой деревянный стол, не покрытый даже скатертью, с которого каждый должен был брать своим собственным кинжалом расставленные соль, горчицу, перец и тому подобное. Единственная личность, пораженная всем этим, был Бревстер; он встал поодаль и не мог решиться прикоснуться ни к одному из подаваемых яств.

Не обращая внимания на озабоченные лица своих слуг, сэр Джеймс пошел посмотреть мишень, устроенную для стрелков. Состязание уже началось, стрела летела за стрелой, но ни одна из них не попадала в цель; шотландцы были далеко не мастера в этом искусстве, несмотря на приказ регента д’Олбени, чтобы каждое воскресенье и каждый праздник они устраивали у себя стрельбу.

Сэра Джеймса очень забавляли неудачные попытки стрелков, но, когда он взглянул на Бревстера и заметил глубокое пренебрежение, проскальзывающее в его бесстрастном взоре, у него вырвалось недовольное восклицание, и, нахмурив брови, он отошел в сторону.

В то время как Нигель хлопотал с отъездом, послышался, под аккомпанемент арфы, звучный напев длинной баллады. Сэр Джеймс остановился и стал прислушиваться.

В поэме этой говорилось о жестокостях леди Френдаут и как

Солнце утреннее больше не светило

Ни для лорда Джона, ни для Ротлемей.

Крупные слезы скатились по щекам сэра Джеймса, и он никак не мог скрыть своего волнения; а когда Нигель подошел к нему и слегка прикоснулся к его

плащу, он сжал его руку и тихо сказал с глубоким вздохом:

– Я был на коленях моего отца, когда в последний раз слышал эту балладу. Давно, очень давно не раздавалась она в моих ушах. Вот тебе, дитя, – обратился он к поводырю слепого певца, бросая ему золотую монету, и хотел было уйти, как вдруг слепой, вероятно угадав по звуку золото, снова запел чувствительным голосом.

Сэр Джеймс остановился и стал ногой отбивать такт.

– Сэр, – настаивал Нигель, – не забыли ли вы, что все зависит от нашей поспешности?

– Баллада! Баллада! Я хочу еще раз слышать эту балладу! – вскричал сэр Джеймс. – Она тронула меня до глубины души!

– Я могу вам спеть все ее куплеты, – сказал Малькольм тоном, в котором слышались и нетерпение и досада. – Впрочем, всякий странствующий певец знает ее…

– Слышите, сэр, – повторял Нигель, – молодой человек споет вам эту балладу.

Наконец Джеймс позволил увести себя до дверей гостиницы, где целая толпа молодых людей плясала под звуки шотландской песни, исполняемой на свирели. Сэр Джеймс не утерпел и присоединился к танцующим: он протянул руку первой девушке, попавшейся ему на дороге, и, несмотря на свои тяжелые сапоги, обитые сталью, принялся ловко вертеться с босоногой красавицей. При этой новой фантазии своего хозяина Нигель вышел из терпения, и лишь только тот усадил свою даму и велел подать ей кружку пива, конюх подошел к нему и сказал:

– Сэр, ворота Варвика скоро будут заперты.

– Ба! – вскричал сэр Джеймс. – Дни ведь прибавляются, Нигель.

– Уверены ли вы, сэр, что между людом этим нет кого-нибудь из шайки Уолтера Стюарта? В таком случае если бы даже вам удалось уйти незамеченным, этот

молодой человек здесь так известен, что непременно подвергнется новым неприятностям. Впрочем, одной вашей щедрости достаточно, чтобы возбудить всякие подозрения.

– Нам остается всего двадцать миль до Варвика, – ответил беспечно сэр Джеймс, – так не для чего и беспокоиться насчет этих бездельников! Но я еду, и только потому, что ты решился упрекнуть меня за первое удовольствие, которым удалось мне попользоваться в среде своего народа. Дни моего счастья так преходящи…

С этими словами он вскочил в седло и промолчал во все продолжение пути.

Когда путники прибыли в Варвик, сэр Джеймс велел Нигелю отвести лорда Малькольма в гостиницу, а сам отправился к коменданту крепости. Тот пригласил его ужинать и продержал до утра, потом под сильным конвоем улан проводил за десять лье от города. Малькольма очень удивляло, что сэр Джеймс с первого же дня путешествия снял свое оружие и советовал Малькольму сделать то же самое, прибавив:

– Бедное дитя! Он и не может себе представить, что можно путешествовать без оружия! Ах! Когда-то настанет время, что в горах и на равнинах Шотландии будет так же безопасно, как в Англии!

Рыцарь был очень внимателен к Малькольму и старался объяснить ему все мало-мальски интересное, встречаемое ими на пути. Юноша поминутно переводил речь на короля, к которому ехал, но эти вопросы сэр Джеймс всегда старался отклонить, оправдываясь тем, что приближенным короля совершенно неприлично рассуждать об его особе.

На ночлег наши путники остановились в Дюраме, матери Холдингхэмской обители, и Малькольму показалось, что он прибыл в свой родной монастырь, несмотря на то что архитектура Дурхэма была несравненно величественнее. Построенный на высокой горе, омываемой Вейрой, этот нормандский монастырь, увенчанный великолепной часовней Богоматери, представился их глазам во всем своем блеске. Но, несмотря на все это, молодому человеку казалось, что он снова видит Холдингхэм, правда более красивый и роскошный, но все-таки не чуждое ему жилище.

– Мир обитает здесь, – сказал он сэру Джеймсу, когда тот спросил о впечатлении, произведенном на него обителью. – Тут только могут возрастать люди в святости, подобно палестинским лилиям, растущим в уединенном саду холдингхэмского наместника.

– Но, дитя мое, жалкий был бы мир, если бы лилии росли исключительно в одних монастырских садах! – возразил сэр Джеймс.

– Да разве мир не жалок сам по себе? – ответил Малькольм.

– Увидим, что скажешь ты через месяц, – заметил рыцарь с мечтательным взором.

После нескольких дней путешествия наши путники, проезжая по живописной Йоркширской долине, были остановлены несколькими молодыми людьми, выехавшими из-за рощицы с ужасным криком и гамом.

«Грабители!» – подумал Малькольм, побледнев от страха, когда один из всадников схватил за поводья лошадь сэра Джеймса; но тот, рассмеявшись, сказал:

– Что еще, Генрих, опять твои прежние выходки?

– Еще бы, – ответил нападавший, – когда такие прибыльные поживы встречаются на большой дороге!

Сэр Джеймс соскочил с лошади и так радушно обнялся с незнакомцем, что не на шутку встревожил Малькольма. «Не привел ли его этот английский предатель в какой-нибудь разбойничий притон в надежде получить хороший выкуп?» – подумал Малькольм.

– Трудно быть аккуратнее, – сказал разбойник, – но я этого и ожидал; когда Нед Мармион прибыл в Биверли и настаивал, чтобы мы охотились в Тонфилде, мы отправились в надежде встретить тебя. Мармион приготовил нам обед в лесу, и мы с тобой туда отправимся прежде, чем ехать в Тирск, где мне надо слегка посчитаться с двумя негодяями. Да скажи же что-нибудь о себе, Джеймс? Ты, кажется, увеличил свою свиту.

– Ах, Генрих! В самые отчаянные дни твоего сумасбродства тебе не удавалось напасть на такое приключение, какое случилось со мной в последнее время.

– Расскажи-ка мне его, – сказал Генрих, фамильярно взяв сэра Джеймса под руку, и тот, обернувшись, крикнул:

– Позаботься об этом молодом человеке, Джон, – это мой родственник.

«Родственник! – подумал Малькольм. – Не воображает ли уж каждый из странствующих Стюартов, что происходит от царственной крови нашего семейства?» Но, взглянув на благородную осанку сэра Джеймса, он тут же почувствовал, что никакое величие не будет достаточно для такой благородной души, как душа этого человека, выказавшего ему столько доброты. Пристыженный своими первыми мыслями, он молча сошел с лошади и последовал за Джоном через лес на лужайку, где под палящими лучами солнца, защищенный от ветра, был накрыт на траве обед, состоящий из хлеба, яиц и сушеной рыбы.

Генрих объявил, что у него чисто охотничий аппетит и что его друг Джеймс должен был страшно проголодаться в Шотландии, потому что сделался худ, как легавая собака. Он уселся на траве, и, к великому удивлению, если не к отвращению Малькольма, лорд Мармион прислуживал ему на коленях, с обнаженной головой.

Во время обеда Малькольм воспользовался оживленным разговором собеседников, чтобы рассмотреть вновь прибывших. Лорд Мармион, йоркширский юноша с веселым выражением лица, возбуждал его любопытство менее, чем оба его товарища, по наружности и манерам удивительно схожие друг с другом, так что легко можно было принять их за братьев. Обоим с виду казалось около тридцати лет. Оба они были белокуры и безбороды, но только Джон был бледнее и сосредоточеннее Генриха, нежное и оживленное лицо которого было обезображено большим глубоким шрамом на щеке.

По властным же манерам и приемам, полным достоинства, Малькольм убедился, что Генрих был старший из двоих, и, к великому своему удовольствию, заметил, что и сэр Джеймс ни в чем не уступал ему, а по наружности даже и превосходил; тут вспомнились ему огненные взгляды рыцаря, приводившие его в необыкновенное смущение и которых не было в ясных, светло-голубых глазах

англичанина.

Когда сэр Джеймс удовлетворил любопытство, Генриха, тот, благосклонно взглянув на Малькольма, протянул ему руку и сказал:

– Добро пожаловать, молодой лорд Малькольм! Мне очень приятно, что ваш кузен имеет настолько хорошее мнение о нашем гостеприимстве, что и вас привел им воспользоваться.

«Уж слишком бесцеремонно обращается он со мной!» – подумал Малькольм и, холодно поклонившись, ответил:

– Я еду служить своему королю.

Но никто не обратил внимания на его слова, а Генрих, отстегнув свой меч, вынул из кармана книжку и принялся читать.

– Теперь он увлекся Жоффруа де Бульоном! – воскликнул Джон. – Как хорошо, что ты вновь здесь, Джеймс, – по крайней мере, есть с кем поговорить, а то с тех пор, как он получил эту книгу от дяди Вестморленда, то и слова не добьешься от него.

– Неужели? – ответил Джеймс. – Это навело меня на мысль об очень дорогой книге, которую я недавно видел; но я не скажу где, чтобы не соблазнять Генриха. Как она называется, Малькольм?

– Путеводитель Адамнануса, – ответил Малькольм, покраснев.

– А! Я слышал о ней, – ответил английский рыцарь. – Я даже посылал в несколько монастырей с просьбой одолжить мне ее. Не знаю, указывает ли в ней монах Джон на безопасные гавани?

Малькольм знал наизусть все до одной гавани, так что мог дать удовлетворительный ответ. В то время книги были такая редкость, что ему приходилось по несколько раз перечитывать каждую, и он заучивал ее от слова до слова. Но вопрос Генриха сильно удивил его, – ему еще никогда не приходилось слышать, чтобы рыцари относились к науке иначе, как с

пренебрежением.

– Хорошо, очень хорошо! – вскричал Генрих, лишь только Малькольм кончил. – Вы много читали и хорошо запомнили! Этот юноша сделает тебе честь, Джеймс.

– А где учились вы, кузен?

«Кузен! Неужели в Англии принято всех называть кузенами?» – подумал Малькольм. Но у кроткого мальчика не хватило духа обидеться, – ласковый тон рыцаря задобрил его.

– У меня, в Холдингхэме, – ответил он тоном юноши, кончившего курс в Падуе или в Париже.

– Да, вы, шотландцы, большие охотники посещать эти места, но как там обращаются с вами? Мне пришлось раз видеть виселицу, на которой были повешены два сына одного церковника, обвиненные в том, что возымели слишком нежные чувства к дочери главы парижского магистрата.

– Сыновья церковника Овсенфорда, так постыдно умерщвленные! – воскликнул Малькольм с живостью.

– Неужели вы видели их виселицу, мессир? А что, не были ли они вашими друзьями? – спросил Генрих, бросив лукавый взгляд на сэра Джеймса. – Признаюсь, компания эта не из завидных.

– О! Я знаю их только по сказаниям одной баллады, – ответил Малькольм, покраснев. – В этой балладе говорится, что каждый год во время Рождества души их являются их матери в шапках, сделанных из коры берез, растущих у врат Эдемских.

– Это должна быть замечательная баллада! – воскликнул Генрих. – Можете ли вы ее нам спеть? Мармион, прикажите принести арфу.

– Не беспокойтесь, арфа Малькольма с нами, – сказал сэр Джеймс.

По знаку рыцаря Нигель, присутствующий вместе с лордом Мармионом де Тонфилдом при обеде Стюартов и обоих англичан, встал и исчез за деревьями, откуда слышался глухой шум и говор, топот и ржание лошадей, что доказывало присутствие большой свиты. Вскоре арфа Малькольма была принесена, и тот очень удивился, что вместо того, чтобы просить его, ему просто приказывали, но потом, забыв все при одной одобрительной улыбке своего покровителя, нежно запел своим мягким голосом балладу о сыновьях церковника Овсенфорда, а сэр Джеймс стал подтягивать ему своим мужественным басом. По окончании баллады, когда Генрих стал благодарить юношу, сэр Джеймс сказал:

– Передай мне свою арфу, Малькольм, я хочу петь, а ты, Генрих, слушай и реши, что лучше, наши ли шотландские песни или же твой хваленый охотничий напев?

И он начал одну из самых знаменитых баллад того времени с таким воодушевлением, что, конечно, ни один менестрель и даже сам Малькольм не в состоянии были бы состязаться с ним.

Баллада эта говорила о сражении при Оттербурне, и сэр Джеймс совершенно увлекся, когда дошел до того места, где воспевалась трогательная кончина одного героя, умершего в начале сражения. Но Генрих даже взглядом не поблагодарил приятеля, а только угрюмо пробормотал:

– Дуглас умер! Эдак он мертвый выигрывает больше сражений, чем живой! Как бы я был доволен, если бы старый друг мой Шресбери, или граф де Тинеман, как вы его называете, приехал в Шотландию!..

– Трудно удержать учеников в послушании, когда начальника их нет дома, – заметил Джеймс.

– Да. Но теперь Том уже наверное доказал им, что значит неуместная горячность; возвратил их восвояси и хорошим хлыстом наказал за грабеж анжуйских виноградников. Он писал мне об этом в то время, когда собирался хорошенько проучить Дугласа и Букана. Теперь я нигде не намерен останавливаться, но зато когда поеду на юг, то стоянки мои будут очень длинные. Долго мы еще не будем знать, что там делается?

– Действительно, – вмешался Джон с насмешливой улыбкой, – в особенности если красавицы не станут писать, из боязни запачкать свои перламутровые

пальчики.

– Это демон зависти говорит в нем! – сказал Генрих, улыбаясь. – Джон не выносит того, чего он не желает или не может получить!

– Конечно, я не из тех, что ходят по стопам женщины или выжидают, когда подколются их гипюры, – возразил Джон. – К тому же я терпеть не могу женщин с двумя мужьями…

– Смотря по вкусу! Второй уничтожает первого, как говорят ученые, – ответил Генрих. – Впрочем, пора ехать! Лорд Мармион, – крикнул он, поспешно вставая, – будьте так добры велеть подавать лошадей!

И когда тот побежал исполнить приказ, он прибавил:

– Теперь дорога будет лучше.

Сев на лошадь, Генрих старался держаться ближе к Малькольму – видимо, молодой человек произвел на него хорошее впечатление. Он так ласково стал разговаривать с ним, что Малькольм совершенно растаял и сообщил ему все подробности своего первого свидания с лордом Джеймсом. Он рассказал, как тот спас его сестру и как взялся доставить его к пленному королю, чтобы избавить от алчности своих родственников.

– Бедное дитя! – сказал Генрих серьезно.

– А вы знаете короля Джеймса, мессир? – решился робко спросить Малькольм.

– Знаю ли я его? – воскликнул Генрих, пытливо взглянув на юношу. – Знаю ли я его?.. Да, конечно; то есть настолько, насколько бедный рыцарь из Галлии может знать его шотландское величество.

– А… как думаете вы, будет он добр ко мне?

– Это зависит от вас; что же касается меня, я не желал бы быть шотландцем, попавшим в его лапы.

– Разве его успели научить ненавидеть своих соотечественников? – спросил Малькольм прерывающимся от страха голосом.

– Ненавидеть… Нет! Но я думаю, у него слишком мало причин любить их. Впрочем, он довольно добр, в особенности если его оставляют в покое; и поверьте мне, молодой мой лорд, всего лучше для вас быть с ним настороже – пленные львы иногда бывают подвержены странным видоизменениям…

Тем временем к Генриху подъехал курьер и подал ему несколько писем; тот немедленно открыл их и подозвал к себе брата и сэра Джеймса, а Малькольм, совершенно ошеломленный, отошел в сторону.

Никель и Мармион находились от молодого человека на значительном расстоянии, так что ему совершенно невозможно было приблизиться к ним и расспросить их насчет обоих англичан, а насмешливая жалость, с которой Генрих говорил ему о грустной судьбе, ожидающей его при дворе шотландского короля, приводила его в ужас. Вдруг король Джеймс не что иное, как второй Уолтер? И если это так, согласится ли сэр Джеймс Стюарт покровительствовать ему? Его доверие и привязанность к рыцарю возрастали с каждым днем, но все-таки в нем было что-то неизъяснимое, что очень смущало Малькольма.

Тем временем путники приблизились к древнему городу Тирску. Оглушительный звон колоколов долетел до их слуха, на колокольне развевались знамена и слышалась веселая музыка. Глава городского магистрата верхом на лошади, в парадном одеянии медленно выехал во главе городской депутации; толпы народа теснились по обеим сторонам дороги. Вдруг шляпы взлетели в воздух, и тысячи голосов крикнули: «Got save king Hurry!»

Малькольм бросал удивленные взгляды на окружающую толпу, на депутацию города, одетую в ярко-красные мундиры, на Генриха, выпрямившегося на своей лошади и с одобрительной улыбкой слушающего пышную речь бургомистра. После обычных приветственных речей и поздравлений с блестящими победами и с молодой королевой глава магистрата преподнес королю пару огромных перчаток, наполненных одна золотыми монетами, а другая – серебряными.

– Искренно благодарю вас, господин бургомистр, – сказал Генрих. – Но перчатки эти надо опорожнить прежде, чем взять их на войну.

И, передав брату перчатку, наполненную золотом, он высыпал в толпу все, что было в другой. Народ восторженными криками принял такую щедрость. Таким образом приехали они на площадь, обставленную с торжественностью, подобающей рекрутскому набору. На каждом углу стоял рыцарь в железных латах.

– Это что? Мало, что ли, вам сражений и без этих парадов?

– Дело не в параде, монсеньор, – ответил бургомистр сконфуженно, – а в решении судьбы двух почтенных йоркширских рыцарей, желающих в вашем присутствии решить свою ссору единоборством.

– Двух почтенных безумцев! – пробормотал Генрих и, возвысив голос, сказал: – Подойдите, господа, объясните мне вашу ссору!

Ссорящимися были два здоровенных йоркширца, природное лукавство которых было до того скрыто под грубостью их манер, что они с трудом могли прилично держать себя в присутствии короля.

– Не богоугодно ли будет вам выслушать меня, Христофора Китсона из Барробриджа, – сказал первый. – Я готов своим оружием подтвердить, что я честный человек, и доказать этому негодяю, что лошадь, посланная мной после смерти моего отца лорду архиепископу, была невредима и что нога ее вовсе не была сломана в колене, как утверждает этот клеветник Эйзинворд.

– Я же, честный Уильям Тректон из Эйзинворда, готов подтвердить своим оружием, что лошадь, посланная лорду архиепископу, была просто кляча.

– И вот мы явились сюда, – продолжал Китсон, словно повторяя урок, – чтобы стрелами ли, саблями ли или мечами решить в вашем присутствии эту ссору, которая длится уже девять лет.

– Разбить голову человеку, чтобы доказать невредимость лошади! – насмешливо воскликнул Генрих.

– Разрешаете ли вы нам бороться, монсеньор? – спросил Китсон.

– Да, разрешаю! – ответил Генрих, но, увидев, что противники уже сели на своих здоровенных коней и готовятся вступить в бой, он прибавил: – Разрешаю только с тем условием, что победитель будет немедленно повешен, как убийца!

Противники остановились, и бургомистр, подойдя к Генриху, начал приводить всевозможные доводы, ссылаясь на суд Божий, на обычай и утверждая, что таких решений еще никогда не бывало.

– А я говорю, – продолжал Генрих, бросая огненные взгляды, – что решать всякие дрязги борьбой на жизнь и на смерть – противозаконно! Это – злоупотребление святым именем Бога, да и жизнью человека тоже! Господь даровал нам жизнь для более высоких целей, а не для того, чтобы мы рисковали ею по своему капризу. Ну да я сумею положить конец всему этому! Так как вы, господа, не можете доказать свою правоту над лошадью, которая теперь или издохла, или же настолько стара, что ни к чему не годится, то лучше всего протяните друг другу руку примирения, а если вам уж непременно хочется пролить свою кровь, то через месяц приходите ко мне во Францию – там всю ярость свою можете излить или на французе, или на шотландце.

– Но, монсеньор, – начал снова Китсон, – миссис Агнесса из Митчела обещала выйти замуж за того, кто одержит победу. Кому же теперь она достанется?

– В таком случае, – ответил король, – на мне будет лежать решение ее выбора. – Я отправлю к ней с титулом рыцаря того из вас, кто храбрее будет бороться против французов, – в этом будет больше смысла, чем девятилетняя ссора из-за старой скотины!

Затем Генрих сошел с коня, взял под руку сэра Джеймса и, сделав знак брату и Малькольму следовать за ним, направился к городской ратуше, где ему был приготовлен роскошный обед. Малькольм чуть не потерял рассудка от изумления, когда узнал, что этот добродушный Генрих, с которым он так дружелюбно разговаривал, был Генрих де Монмут, король английский, а его благодетель – странствующий рыцарь, родство с которым он отвергал с пренебрежением, был не кто иной, как сам король Джеймс, или Яков Шотландский!

Глава IV. Известия из Божэ

Наконец Малькольм все понял. В зале его встретил Нигель и просил подождать возвращения сэра Джеймса, занятого тайным разговором с Генрихом. Здесь-то все было ему объяснено, но с лаконичной краткостью, которую мы постараемся избежать в настоящем рассказе.

Сквайр Нигель, иначе сэр Нигель Берд, барон Бердсберийский, был не кто иной, как тот самый дворянин, кому несчастный король Роберт II поручил своего юного четырнадцатилетнего сына Джеймса, посланного во Францию под предлогом окончания образования, а в сущности для того, чтобы избавить его от грустной участи, постигшей его брата, герцога Ротсея.

Во время пути взятый в плен англичанами, наследник шотландского престола был слишком важной добычей, чтобы ловкий Генрих IV мог его выпустить из рук. Он засадил юного Джеймса в Виндзорскую крепость вместе с Эдмундом Мортимером, графом Марчским, под бдительным надзором принца Валлийского, только несколькими годами старше их. Как ни беззаконно ни было это заключение, оно не влекло за собой излишней строгости: молодые люди пользовались свободой настолько, насколько требовал их возраст; образование они получали самое тщательное. Кроме того, они воспитывались с четырьмя сыновьями английского монарха, с которыми сошлись самым дружеским образом.

Многие частные обстоятельства повлияли на крепость этой дружбы. С тех пор как различные сомнения стали тревожить беспокойный ум Генриха Ланкастерского, порождая невероятные подозрения и ревность, жизнь его старшего сына сделалась невыносимой, что очень сблизило его с царственным узником, тем более что положение их имело много общего.

Юный Генрих, одаренный необыкновенно открытой, чувствительной и любящей натурой, был нежно привязан к кроткому и симпатичному Ричарду II, и трагическая смерть его сильно поколебала в нем доверие к отцу.

Король под влиянием своей новой жены, женщины скупой и подозрительной, отдалял, насколько возможно, от себя старшего сына, посылая его большей частью на границу герцогства Валлийского, где тот изучал военное искусство под руководством Годспура и Олдкастля.

Когда же отец с сыном вновь свиделись, то благородная и горделивая осанка Генриха и удивительные его способности увеличили боязнь подозрительного и ревнивого короля. С тех пор король чувствовал себя в безопасности только при следующих условиях: насколько возможно унижал он молодого человека, отказывая ему даже в необходимых средствах и препятствуя получить какое бы то ни было влияние. Такова была мелочная и узкая политика Генриха IV. Переходя от раздражения к мечтательности, юноша все более и более чувствовал над собой гнет несправедливости и с нетерпением ждал времени, когда ему можно будет принять деятельное участие в делах. Любимой мечтой его было восстановить пленного Джеймса на престоле и вместе с ним приняться за преобразование человечества. Что же касается Джеймса, то он со всем рвением предавался наукам, а в часы досуга занимался поэзией, вдохновляемой ему леди Бофор, прелестной дочерью графа Сомерсетского, брата короля, в то время как Генрих, со своей стороны, продолжал восторгаться Изабеллой Французской, молодой вдовой короля Ричарда. Хотя страсть эта и не была взаимна, все же Изабелла имела благотворное влияние на всю его жизнь. Когда же она была возвращена во Францию, то Генрих перенес свою любовь на ее сестру Екатерину и наделил ее в своем воображении всеми качествами и прелестями, которые предполагал у ее старшей сестры.

Злая мачеха распускала слух о совершенно безнравственном поведении и о всевозможных излишествах Генриха. В сущности же этого никогда не было, хотя, действительно, некоторые его поступки в глазах людей солидных могли казаться предосудительными: не случалось ли ему в минуты безденежья присваивать себе королевские доходы? Не предавался ли он, по своей деятельной натуре, необычайным удовольствиям и не выкидывал ли он разных шуток, приводящих в ужас весь двор его отца? Но, несмотря на все это, можно с достоверностью сказать, что принц Генрих всегда был в стороне от грубых пороков, навязываемых ему современными писателями; напротив, в продолжение всей своей жизни он никогда не изменял своему идеалу и всегда старался следовать раз принятому им пути.

По странному стечению обстоятельств эти юные принцы, забавляющиеся, учащиеся, поющие и мечтающие на виндзорских лугах, были: будущий король Шотландии, плененный вдали от своего отечества; наследник британской короны в немилости и остальные сыновья монарха Англии. Но, несмотря на разность положений, юноши относились друг к другу с полным чистосердечием, свойственным только в столь молодые годы.

Младшие сыновья английского короля пользовались большим расположением своего отца, нежели старший: второму из них, Томасу, оказывал он иногда явное и самое унизительное для Генриха предпочтение; третий, Джон, серьезного и спокойного темперамента, редко заслуживал какого бы то ни было выговора; четвертый же, Гумфель, был баловнем семьи. Но предпочтение это нисколько не мешало великодушному Генриху быть всем сердцем привязанным к братьям. Он был идеалом и героем этой юной компании, глубоко убежденной в его высоком назначении как избавителя мира, освободителя Иерусалима и утвердителя единства и чистоты церкви.

Вступив на престол, Генрих V твердо решил осуществить свои великие замыслы; впрочем, обещание, данное Джеймсу, даровать ему свободу он не тотчас же привел в исполнение. Олбени, владычествующие тогда над Шотландией, взяли с Генриха IV обещание держать юного короля в заточении насколько возможно дольше, и потому Генрих V решил, что отправить его в отечество, не удостоверившись прежде в его безопасности, значило навлечь на него удары многочисленных врагов. Напрасно Джеймс настаивал на том, что он больше не ребенок и что в случае опасности может сам защитить себя, уверяя, что если он соберет около своего знамени своих верноподданных, ему не трудно будет сразить врагов, да кроме того, ему гораздо приятнее было бы умереть на свободе, чем влачить бездеятельное существование в заточении. Но Генрих оставался глух ко всем этим доводам и решительно объявил, что Джеймс должен оставаться у него до тех пор, пока он, Генрих, будет в силах возвратить ему престол. Генриху и в голову не приходило, что такое вмешательство английского короля может навлечь на Джеймса ненависть шотландцев и сделать его в их глазах вторым Баллиолом.

Считая себя предназначенным свыше преобразовать мир, Генрих стал готовиться к большому Крестовому походу, долженствовавшему, по его мнению, сделать переворот во всей Европе, и после славной победы, отдавшей почти всю побежденную Францию в его руки, он ждал, чтобы новые успехи окончательно увенчали его славу; но, боясь, чтобы кто-нибудь не помешал его великому плану, этот мечтатель с практическими идеями, несмотря на всю доброту свою и великодушие, держал у себя целую толпу благородных узников. Впрочем, мольбы Джеймса так тронули его, что он согласился отпустить его домой на то время, когда сам отправится поклониться мощам святого Иоанна Биверли; но все-таки отпустил его не иначе, как взяв предварительное обещание не только не объявлять о себе кому бы то ни было, но даже стараться избегать всякого, кто мог бы узнать его. Итак, Джеймс поехал прямо в Гленуски с намерением повидаться с сэром Дэвидом Драммондом и воспользоваться его советами; затем

он отправился в Стирлинг, а оттуда в Эдинбург и Перт. Встретил же он Малькольма на обратном пути из Перта и тут решил взять его с собой; узнанный же сэром Дэвидом, он сообщил ему о своем намерении, на что тот с благодарностью согласился. Джеймс же так расположился к своему кузену оттого, может быть, что произошли различные перемены в его собственном положении: не мог же он оставаться в прежних отношениях с Генрихом, превратившимся теперь из товарища по несчастью в пленителя. И хотя тот изо всех сил старался сгладить неловкость их отношений, требуя, чтобы Джеймс относился к нему, как к брату, все же прежняя дружба их была немыслима. Кроме того, заговор, стоивший жизни графу Кембриджскому, убедил Джеймса, что ему необходимо быть до известной степени сдержанным по отношению к своим прежним друзьям. Действительно, трудно ли было обвинить его в сочувствии к прямым наследникам Генриха или же к Мортимерам? И потому Джеймс с великой радостью воспользовался неожиданным случаем, доставившим ему возможность взять к себе юного кузена, близкого ему и по крови и по вкусам и говорящего на родном ему языке; в нем он мог найти и друга и брата, а в будущем верного и преданного советника. Скромность и застенчивость Малькольма, его ум и образование расположили сердце короля и увеличили его желание приблизить к себе юношу. Что же касается намерения Малькольма поступить в монастырь, то это, по его мнению, происходило от болезненной комплекции и излишней деликатности чувств, заставляющих его приходить в чрезмерный ужас от необузданного варварства общества; он надеялся, что, избавившись от грубых выходок своих кузенов, отдалившись от увещеваний монахов и сблизившись с энергичными, храбрыми, религиозными, образованными и добросовестными людьми, Малькольм, мало-помалу, откажется от своего намерения. Наконец, во время своего пребывания в Виндзоре, пребывания, которого сэр Джеймс в душе страшился, он надеялся заняться образованием Малькольма, что, по его мнению, должно было развеивать его одиночество.

Когда после разъяснений Нигеля Берда Джеймс вошел в зал, Малькольм бросился к его ногам и воскликнул:

– Король мой! Повелитель мой! Зачем не знал я этого раньше…

– Я и теперь не стану много распространяться с тобой на эту тему, – возразил, улыбаясь, Джеймс. – Ну, дитя мое, согласен ли ты делить участь пленного?.. Гердсброу, ты совершенный пророк! Генрих настаивает на своем и слышать не хочет, чтобы я действовал по своему усмотрению! Он желает возвратить меня

Шотландии не иначе, как с помощью своего оружия, лишь только окончит затеянную им борьбу с Францией. Я чуть было не высказал все, что у меня накипело на душе, и не объявил ему прямо, что ни за что не соглашусь, чтобы английский меч посадил меня на престол Брюсов! Но в этом Генри Мортимере есть что-то до такой степени привлекательное, что невольно поверишь ему скорей даже, чем ангелу, вооруженному мечом справедливости.

– Ангелу тьмы!.. – пробормотал Нигель себе под нос.

– Это говорит в тебе одна лишь злоба, Берд. Вникни только во все его действия. Возьми хоть Нормандию: кто освободил ее от тирании и различных бесчинств и водворил в ней порядок и спокойствие? Не Генрих ли? Взгляни на этот народ: был ли когда король любим своими подданными больше его? Иначе решился ли бы он так резко поступить, как сегодня?

– Боже, избави наше отечество от подобного управления! – вскричал Берд. – Я охотней бы согласился остаться здесь навсегда, чем возвращаться на родину, если там будет воспрещено свободно защищать собственное право. Ребенок этот и тот не мог не прийти в ужас, видя такое обращение.

– Бедная Шотландия! – сказал со вздохом Джеймс. – Горе той стране, где такие мысли зарождаются не только в седых головах, но даже в таких юных, как у этого мальчика! Верь мне, кузен, что это так называемое право чести и есть корень всех бед нашей несчастной страны, бед, вследствие которых даже этот бедный воробушек жмется к решеткам клетки из боязни встретиться с ястребами и воронами.

– Увы, сэр! Дозвольте мне следовать своим наклонностям, – сказал Малькольм. – Я не способен к борьбе. Отдайте сестру мою со всеми землями Патрику Драммонду, – поверьте, вы не будете внакладе!..

– Я все это знаю, – сказал добродушно король. – У нас еще много времени впереди. Развлеки мое одиночество, а там успеешь сделаться попом или монахом, если на то будет твое желание. Ты мне нужен, дитя, – продолжал король, ласково положив руку на плечо юноши, – я нуждаюсь в товарище одной со мной крови, ведь я совершенно один…

– О, сир! – вскричал Малькольм.

– Ты не будешь нуждаться ни в книгах, ни в учителях, – продолжал сэр Джеймс. – Будут ли они рассуждать о церкви, о государстве, о монастыре или же о поле сражения, – в любом случае они помогут тебе сделаться хорошим человеком. Если же по прошествии нескольких лет желание твое поступить в монастырь не изменится, то даю мое королевское слово не препятствовать тебе привести его в исполнение. Тем временем живи у меня и будь мне братом.

С этими словами король сжал Малькольма в своих объятиях. Такая теплая ласка вызвала в юном шотландце невольное чувство радости, несмотря на его твердое решение ни на шаг не отступать от обещания, данного им Патрику и Лилии. Не странно ли было ему – унижаемому, пренебрегаемому своими недостойными кузенами и видевшему ласки только от самых близких – вдруг сделаться товарищем, другом короля, да еще какого короля? «Не могло же это быть происками Сатаны, – думал Малькольм, – потому что сэр Джеймс дал ему слово никогда не препятствовать его свободной воле?» Впрочем, он решил на первой же исповеди потолковать обо всем со священником. Между тем он всецело предался радости, доставляемой ему новым положением, и признательности к доброте короля, внимание которого простиралось на малейшие подробности. Так, заметив недостатки в одежде и вооружении Малькольма, потому что гленускские произведения, пополненные некоторыми покупками, сделанными в Эдинбурге, были настолько оригинальны, что могли привлечь к Малькольму лишь пренебрежительные взгляды толпы, сбежавшейся в Йорк на встречу короля, Джеймс приказал Бревстеру экипировать его самым лучшим образом. Бревстер так постарался, что в скором времени весь пол комнаты, где находился Джеймс с Малькольмом, был совершенно завален куртками, сапогами, шапками, седлами, уздечками и шпорами; так что когда герцог Бедфордский вошел к ним, то стал смеяться над Джеймсом, говоря, что тот хочет разрядиться перед дамой своего сердца; затем герцог стал вспоминать об их холостой жизни, прибавив полушутя-полусерьезно, что Генрих так страстно влюблен в свою молодую жену, что в скором времени всю тягость французской кампании непременно сложит на него, Бедфорда, и на брата Тома. Джеймс весело отвечал на его шутки нападками на небрежность его, Джона, туалета.

Вдруг в галерее старого замка, где они находились, раздался голос:

– Джон! Джон! Сюда! Где герцог?

При звуке этого резкого голоса король с герцогом вздрогнули. Дверь с шумом растворилась, вошел Генрих и, подавая письмо, сказал:

– Посмотри, Джон! – Затем, обратившись к сэру Джеймсу, сказал с искаженным от гнева лицом: – Я бы вас тотчас отправил в Тур, мессир, если бы думал, что вы как-нибудь замешаны в это дело!

Малькольм, дрожа всем телом, приблизился к своему королю; что же касается самого сэра Джеймса, то он не менее гневным голосом ответил:

– Постойте, сир! Вы можете отправить меня куда желаете, но не имеете права касаться чести моего имени!

Затем, при виде убитого горем Генриха и услышав крик ужаса, вырвавшийся у Джона, он спросил:

– Ради бога, Генрих, скажи, что случилось?

– Томас умер… – ответил грустно Генрих. – Умер, предательски убитый двумя шотландцами.

– Убит! – с ужасом вскричал сэр Джеймс.

– Убит вопреки всем военным правилам, убит самым подлым образом на поле сражения! Ваш кузен Букан и старый Дуглас из Божэ внезапно напали на моих храбрецов, выбившихся из сил от путешествия, предпринятого для усмирения анжуйского грабежа. Они их атаковали и завладели Сомерсетом. Томас был впереди во время схватки, вместе с одним рыцарем, по имени Свентон, а этот разбойник Букан подъехал сзади и рассек ему голову. Вот как вы, шотландцы, воюете!

– Поведение, вполне достойное Олбени! – пробормотал сэр Джеймс. – О, почему только у меня отнята возможность отомстить ему!

– Да, ты его любил! – сказал Генрих, крепко сжимая руку сэра Джеймса, и ярость его растаяла в потоке слез. – Да, но кто же не любил моего храброго, великодушного брата? И подумать только, что я, откладывая со дня на день

свою поездку… я оставил его одного на произвол судьбы и допустил, чтобы эти подлые шотландцы так изрубили его!.. – И король в совершенном отчаянии закрыл лицо руками.

Джон с сэром Джеймсом стали уговаривать его не винить себя, потому что присутствие его было необходимо дома, и, чтобы отвлечь его мысли, сэр Джеймс спросил, не случилось ли еще какого несчастья.

– Пока нет, – ответил Генрих. – Но во всем войске не осталось ни одного человека, не потерявшего головы. Я должен туда ехать, – надо выбрать кого-нибудь, способного продолжать борьбу. А вы, сэр, не попробуете ли усмирить ваших шотландцев?

– Из Виндзора? Нет, конечно нет, – ответил сэр Джеймс. – Дайте мне седло и научите меня сражаться под руководством такого командира, как вы, тогда, может быть, они покорятся мне. А если нет… то, клянусь Богом, убийца Кларенса раскается!..

– Хорошо, – сказал Генрих, сжав ему руку, – ты вместе со мной поедешь во Францию, Джеймс, и близко увидишь войну. Шотландцы, лишенные всякой поддержки, толпой соберутся вокруг своего пресмыкающегося Льва, а французы будут не лучше ланей под предводительством этого сумасброда и убийцы дофина! Впрочем, увы! Ни одна победа не возвратит мне брата, моего храброго, благородного брата… – прибавил он, снова принимаясь рыдать. – Это достойное наказание за то, что я отвлекся от великой цели! Мармион! Сообщи эту грустную весть декану и скажи ему, чтобы начал в монастыре заупокойный звон и отслужил панихиду о брате моем и о всех тех, кто пал с ним вместе. Мы сами будем присутствовать при панихиде. Надеюсь, что бургомистр не обидится, если мы откажемся от его пира. Впрочем, наверное, все подданные наши от души сочувствуют нашему горю!

И, обняв Джона, Генрих вышел с ним из комнаты.

Не успела затвориться дверь, как явился Нигель, удалившийся при появлении короля. Весть о смерти Томаса распространилась с удивительной быстротой, и Нигель, в качестве старого слуги, нисколько не стесняясь сэра Джеймса, воскликнул с торжествующим видом:

– Итак, милорд, наконец-то англичане напали на равных себе!

– Да, но не на слишком честных, – грустно ответил сэр Джеймс.

– Ба! В военное время все средства позволительны, лишь бы достичь цели! Не прямая ли их обязанность с радостью воспользоваться первым удобным случаем, чтобы отомстить хотя бы брату того, кто держит вас в заточении?

– Но ведь я любил его больше всех! – вскричал сэр Джеймс.

– Разве я осуждаю Кларенса? – возразил Нигель. – Я всегда считал его храбрым, честным и благородным молодым человеком; и умер он, как подобает всякому хорошему рыцарю – в седле, в полном вооружении. Я не желал бы иной кончины ни одному из этих принцев; и, кроме того, мне кажется, если бы у Свентона хватило разума вместо того, чтобы убивать, просто взять его в плен, тогда все получилось бы гораздо лучше: можно было бы обменять его на вас, милорд. Во всяком случае, схватка была знатная, – конюх, привезший весть, не мог не похвалить наших, сказав, что шотландцы сражались как истые львы!

– Если бы только Дуглас выказывал такую храбрость во всех сражениях! – со вздохом заметил король. – А что тебе хотелось бы знать, Малькольм? Не о кузене ли твоем Патрике? Вряд ли ты услышишь здесь о нем.

– Я не осведомлялся о нем, – сказал сэр Нигель. – Я только спросил о моем головорезе-кузене, Дэвиде Берде, которому, по правде сказать, путешествие во Францию должно принести большую пользу. Но посланный ответил мне, что он не герольд и потому не вправе давать сведения о всех негодяях, сражающихся за морем.

– Это мы увидим своими глазами, – сказал сэр Джеймс. – Я отправляюсь в поход…

– Вы? Вы, сир, против вашего же союзника, и под английскими знаменами! Подумали ли вы об этом?

На это сэр Джеймс ответил, что всякий, кто желает добра Франции, должен стоять за Карла VI; и плохую услугу ей оказывают те, кто поддерживает

упорство Арманьяков и дофина, действующих скорее как разбойники, чем патриоты. Сражаться же под знаменами Англии – вовсе не значит унизить достоинства короля: не сражался ли в ереси богемский король, а также и король Сицилии во французской армии?

Креме того, сэр Джеймс чувствовал необходимость приобрести практическое знание в ратном деле; несмотря на то что он изучил теорию военного искусства по всем авторам, начиная с Цезаря и Квинта Курция до известного авторитета того времени Жана Паве, считавшегося Вобаном XV столетия, и с жадностью вслушивался во все наставления Генриха и его воинов, он пришел к заключению, что серьезный навык в этом деле ему необходим. К тому же и Генрих уверял его, что все сведения, приобретенные им в книгах, разлетятся в прах при первом же столкновении его с воинами, закаленными в боях. Но что более всего влекло его на поле сражения – это то, что он, дожив до двадцатипятилетнего возраста, должен был краснеть перед своими товарищами, которые более десяти лет принимают участие в боях, тогда как ему не приходилось целиться ни во что, кроме мишени. Этот аргумент несколько успокоил Бердсбери, хотя он сильно опасался, что такое решение не придется по вкусу шотландцам. Он высказал такое сильное неудовольствие, что сэр Джеймс предложил ему оставить службу и возвратиться в Шотландию.

– Нет, нет, милорд! – вскричал старик. – Я поклялся вашему отцу не оставлять вас до тех пор, пока вы, здоровый и невредимый, не возвратитесь в свое отечество… И с помощью Божьей я сдержу свое слово! Но что станется с этим несчастным юношей, которого вы взялись воспитывать в Виндзоре?

– Это зависит от его выбора, – ответил сэр Джеймс. – Он может отправиться в Оксфорд или Париж заканчивать свое образование, если не пожелает ехать со мной и смотреть, как берут города и выигрывают сражения. Но об этом еще рано – пройдет не один месяц прежде, чем распустится королевское знамя. У тебя, кузен, довольно будет времени на размышление. Теперь же передай мне черный плащ, что висит там, – все уже собрались к панихиде.

Малькольм, следуя за своим королем, к своему изумлению увидел, что на гордом победителе, Генрихе, был плащ из грубой саржи, голова его, с черными, коротко подстриженными волосами, была не покрыта и ноги босы. Войдя в монастырь, король бросился на землю и остался распростертым во все время, пока не кончилось пение заупокойных молитв, заунывно и торжественно раздававшихся под мрачными сводами храма. Торжественные звуки эти, утишая скорбь, в то же

время пробуждали в нем смертельную тоску, но не от сознания, что он разорил беспокойную страну, управляемую безумцем, а что великий его план преобразования отложен на неопределенное время.

По окончании службы Генрих остался в монастыре, объявив Бедфорду и товарищам о своем желании не выходить до утра из этого мирного убежища, чтобы, исповедовавшись и отстояв раннюю обедню, скорей отправиться в путь.

«Неужели это та безнравственная жизнь, – думал Малькольм, засыпая, – что по моей неопытности мнилась мне всюду, кроме Гленуски и Холдингхэма?

На следующее утро Генрих хотя и облекся в прежнее свое одеяние, но по смертельной бледности, разлитой по его лицу, по блуждающим впалым глазам и судорожно сжатым губам скорее походил на монаха-аскета, чем на блестящего короля. Этой внезапной перемене немало способствовали, кроме гнетущего горя, леденящий холод утреннего тумана, ночь, проведенная без сна, и наистрожайший пост. Впрочем, ясный луч временами озарял его взор, но в луче этом не было признака надежды, а просто религиозное чувство души, всецело покорившейся воле Провидения.

Лошади уже были оседланы и ждали у западных ворот, потому что Генрих горел нетерпением скорее прибыть в Понтефракто, где оставил молодую королеву. Толпа жителей собралась вокруг лошадей, чтобы проводить своего монарха. Когда он явился, несколько женщин с маленькими детьми на руках стали умолять его прикоснуться своей целебной монаршей рукой к детям. Генрих милостиво остановился, снял себя одну перчатку и, приказав казначею выдать женщинам несколько золотых монет, – что было одним из самых целительных способов врачевания – приказал своему капеллану прочитать подходящую к этому случаю молитву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/yung_sharlotta/plennyy-lev

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити